

ПЕРЕЧЕНЬ ПОСЛѢДНИХЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ ВЪ ДАГЕСТАНѢ.

(1843 годъ).

(Статья пятая и послѣдняя) (*).

ГЕРГЕБИЛЬ, НИЗОВОЕ И ЗЫРЯНЫ.

Положеніе умовъ въ Дагестанѣ.—Посланіе вольныхъ обществъ къ генералу Клугенау.—Новые сборы непріятеля.—Свѣдѣнія съ Кумыкской плоскости и движеніе туда генерала Гурко.—Движеніе Кибитъ-Магомы къ Гергебилю.—Непріятель сосредоточивается противъ этого пункта.—Извѣна Цудахара.—Прибытіе Шамиля и первые дни осады.—Движеніе генерала Гурко на помощь Гергебилюскому укрѣпленію; онъ не рѣшается идти противъ скопищъ Шамиля.—Отступленіе Дагестанскаго отряда на ур. Гаркасъ и измѣна Акуши.—Паденіе Гергебиля и впечатлѣніе этого событія на народъ.—Распоряженія для сосредоточенія войскъ къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.—Прибытіе Шамиля въ Казанищи и волненія въ Сѣверномъ и Среднемъ Дагестанѣ.—Положеніе Самурскаго отряда.—Осада Низоваго укрѣпленія и геройская защита гарнизона.—Пораженіе осаднаго непріятельскаго корпуса генераломъ Фрейтагомъ и дѣйствія его отряда на Сулакѣ.—Блокадное положеніе Темиръ-Ханъ-Шуры.—Очищеніе Хунзаха и участь отряда подполковника Пассека въ Зырянахъ.—Шамиль не рѣшается атаковать Темиръ-Ханъ-Шуру.—Движеніе князя Аргутинскаго въ Сѣверный Дагеставъ.—Прибытіе отряда генералъ-маіора Фрейтага къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.—Пораженіе скопищъ Шамиля у Кафырь-Кумыка, Муселимъ-аула и въ Казанищахъ.—Бѣгство непріятеля.—Освобожденіе отряда подполковника Пассека и окончаніе военныхъ дѣйствій.—Общее заключеніе.

(*) «Военный Сборникъ» №№ 1, 2, 3 и 4-й.
Т. VII. Отд. II.

Наступила сырая и холодная осень; на плоскости, даже въ нижнихъ частяхъ, были довольно чувствительные холода, а вершины горъ покрылись снѣгомъ, впрочемъ таявшимъ при первыхъ лучахъ солнца. Все предсказывало приближеніе суровой зимы, рѣдкой въ этихъ широтахъ.

Перевозка провіанта въ Хунзахъ и Зыряны быстро подвигалась впередъ; къ 20-му октября аварскій отрядъ былъ снабженъ провіантомъ по 1-е января слѣдующаго 1844 года.

Мусульманское населеніе послѣ долгаго и тяжелаго поста (уразы) праздновало наступленіе рамазана; но празднество это не сопровождалось обычнымъ веселіемъ. Въ горахъ, гдѣ строжайше запрещалось употребленіе водки, все было серьезно, пѣли «ла-ила-иль-Алла», чистили оружіе, запасались порохомъ, добывали лошадей; Шамиль, не объясняя никому причины, отдалъ приказъ, чтобы въ Дагестанѣ и Чечнѣ каждый владѣлецъ пары воловъ добылъ-бы себѣ непременно лошадь. Видно было, что онъ заботился объ образованіи сильной кавалеріи и тѣмъ заставлялъ догадываться о намѣреніи своемъ въ скорости дѣйствовать на плоскости.

Покорное намъ населеніе Дагестана, волнуемое агентами Шамиля, было въ самомъ тревожномъ положеніи и готовилось къ важному кризису. Акушинцы и Цудахарцы, дотолѣ непризнававшіе ничьей власти, нынѣ съ покорностію вступаютъ въ сношенія съ Шамилемъ и ждутъ только паденія Хунзаха, чтобы окончательно отложиться. Хунзахъ былъ важенъ для нихъ храбростію своихъ жителей и славнымъ отраженіемъ Кази-Муллы; паденіе его должно было произвести на Акушу такое же вліяніе, какъ паденіе Унцукуля на аварскія деревни. Наиболѣе ближайшія къ непріятелю цудахарскія селенія—Кегеръ и Кудали, уже передались Шамилю. Весь Андалалъ былъ въ волненіи: жители Сугратля, изъ коихъ нѣкоторые со славою участвовали въ Руджинскомъ дѣлѣ, самовольно покинули Самурскій отрядъ при обратномъ движеніи его изъ Аваріи въ Казикумухъ и укрылись въ селеніи. Чохцы, наиболѣе намъ преданные изъ всего Андалала, опасаются прибытія мюридовъ. Чохскій Магометъ-Кадіи получилъ два письма: одно отъ Шамиля, другое отъ Джамаль-Эддина, извѣстнаго дагестанскаго ученаго и тестя имама. Первый увѣдомлялъ его, что поручилъ управленіе Андалаломъ Джамаль-Эддину и отзывался объ немъ съ отличной стороны; второй увѣщевалъ Магометъ-Кадія принести покорность и раская-

ше Шамилю, напоминалъ объ религіи и совѣтывалъ смириться. Оба эти письма Магометъ-Кадій представилъ генералу Клугенау, но тѣмъ же менѣе они произвели на него сильное впечатлѣніе и онъ въ послѣдствіи намъ измѣнилъ.

Въ случаѣ вторженія непріятеля, нельзя было рассчитывать даже на Казжумухцевъ, тѣмъ паче на Кайтагцевъ и Табасаранцевъ, гдѣ издавна гнѣздились сѣмена мюридизма. Наиболѣе преданные намъ Шамхальцы и Мехтулинцы, правители которыхъ уже свыклись съ нашими обычаями, явно отказывались повиноваться. Правительница Мехтулинскаго ханства Нохъ-Бике писала отъ 16-го октября генералу Клугенау: «Мехтулинцы не хотятъ защищаться, хотя бы пришла сотня мюридовъ. Прежде они были полезны, потому что покойный мужъ мой Ахметъ-ханъ умѣлъ держать ихъ въ рукахъ, а теперь мнѣ одной, безъ помощи Русскихъ, нельзя управиться съ народомъ». Сама ханша принуждена была покинуть Дженгутай и выѣхала къ брату своему шамхалу въ Казаници. Въ послѣдствіи оба они бѣжали оттуда: ханша—въ Дербентъ, а шамхаль—въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Въ Гимрахъ съ 13-го октября былъ усиленъ гарнизонъ частями отъ Апшеронскаго полка; но жители просили объ выводѣ его изъ селенія, доказывая весьма основательно, что одной деревни нѣтъ возможности противиться Шамилю. Въ Аваріи, напротивъ, общее настроеніе умовъ скорѣе было за пась. Хунзахцы только одного опасались, чтобъ ихъ не оставили Русскіе; переселенные Аварцы бродили сотнями изъ одного селенія въ другое, не находя пристанища и проклиная Шамиля, виновника ихъ несчастія.

Въ непокорныхъ же обществахъ все было одушевлено и никто не сомнѣвался въ скоромъ освобожденіи Дагестана отъ власти Русскихъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно письмо вольныхъ обществъ къ генералу Клугенау, писанное по внушенію Шамиля.

Переводъ съ письма духовныхъ особъ, почетныхъ лицъ и узденей обществъ Цунта (Дидо), Тинди, Богумала, Чамалала, Караты, Гидатля, Келе, Караха и другихъ:

«Со времени появленія вашихъ ногъ на горахъ Дагестана, вы постоянно обманывали людей неосновательными надеждами, неудобносполняемыми обѣщаніями, а это неприлично истинно честнымъ и храбымъ людямъ, какъ вы; тѣмъ болѣе, что вы слу-

жите великому Гоеударю, средства котораго огромны и который всюду можетъ даровать миръ и спасать отъ притѣсненій.

«Вы же, напротивъ, всегда раззоряли наши деревни, истребляли наши имущества и забирали людей, истинно почтенныхъ.

«Намъ это было неприятно, но мы терпѣли по двумъ причинамъ: во-первыхъ, мы не имѣли средствъ вамъ сопротивляться, не имѣли вовсе пушекъ, даже оружія въ достаточномъ количествѣ; во-вторыхъ, между нами нашлись люди, которые передавались вамъ изъ своекорыстныхъ видовъ и ради временной пользы жертвовали своими вѣрою и убѣжденіями. Такимъ образомъ, волею, неволею повинувшись и сносившись съ вами, мы жили въ грѣхѣхъ великомъ, за прощеніе котораго намъ надобно долго умолять Царя Царства.

«Теперь рѣшено! Мы оставляемъ на всегда вашу службу и отказываемся отъ повиновенія. Чтобы упорно драться съ вами и защитить себя, мы занялись устройствомъ оружія, и хотя мы народъ бѣдный, но соединясь во славу Бога, надѣемся постоять за себя.

«И такъ, мы возвращаемъ вамъ ваши ничтожныя выгоды и лживыя слова и клянемся, что отнынѣ между вами и нами не останется ничего, кромѣ вражды и обнаженныхъ шашекъ.

«Мы совѣтуемъ вамъ оставить наши земли и уйти изъ Дагестана. Если не хотите послушать нашего совѣта, дѣлайте что знаете и мы съ своей стороны будемъ дѣйствовать пока не свершится воля Божья.

«Впрочемъ, вы недумайте, что мы боимся васъ и отступимъ когда нибудь отъ своихъ словъ; напротивъ, мы поклялись надъ Кораномъ, Библиею, Евангеліемъ и Псалтиремъ драться съ вами до тѣхъ поръ, пока одна изъ двухъ сторонъ не уничтожится до послѣдняго, или пока вы не оставите нашей земли.

«Кромѣ Бога, нѣтъ защиты!»

Несчастные! Если кто ихъ обманывалъ, то конечно Шамиль, который теперь истребилъ въ горахъ всѣхъ лучшихъ людей, чтобы удобнѣе самому властвовать; отнялъ ихъ имущества, повергнувъ цѣлое населеніе въ крайнюю бѣдность и этихъ свободныхъ жителей горъ обратилъ въ рабовъ покорныхъ и боязливыхъ.

Вдругъ посреди мѣрзъ, предпринятыхъ къ оборонѣ края, въ послѣдней трети октября получаютъ съ разныхъ сторонъ тревожныя донесенія о новыхъ сборахъ непріятеля. Донесенія эти,

повидимому, противорѣчающія другъ другу, все такъ свидѣтельствовали объ одномъ — о намѣреніи Шамиля дѣйствовать противъ Дагестана.

Начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи доносилъ о сборахъ въ Дылымѣ, куда Шамиль притянулъ Чеченцевъ, Ичкеринцевъ, Ауховцевъ и часть Лезгинъ; по его словамъ, Шамиль намѣревался дѣйствовать противъ деревни Андреевой, отъ которой онъ былъ отбитъ 30-го октября.

Въ Дагестанѣ говорили, что Шамиль намѣренъ броситься на Хунзахъ и для этого приказалъ дѣлать сборы въ Чиркатѣ, куда уже было привезено 5 орудій и значительные запасы пороха и снарядовъ. Въ Чиркатѣ должны были сосредоточиться Андійцы, Технучальцы, Гумбетовцы, жители селеній Тлоха, Игалей и переселенные туда Цатаннхцы, Иштибуринцы и изъ другихъ койсубулинскихъ селеній. Сверхъ сего, было приказано Шамилемъ приступить немедленно къ разработкѣ дороги на Арактау.

За тѣмъ не менѣе сильныя скопища сформировались Кибитъ-Магомою около Тиличлей и Куяды; въ Каратѣ подымался Хаджи-Муратъ, набирая толпы Аварцевъ и имѣя при себѣ два орудія. Все это заставляло предполагать, что Шамиль дѣйствительно намѣревается напасть на Аварію.

Были и другія свѣдѣнія, противорѣчающія этимъ.

Воинскій начальникъ Гимринскаго укрѣпленія доносилъ, что жители предувѣдомляли его о намѣреніи горцевъ сдѣлать нападеніе на Гимры. Воинскій начальникъ Гергебильскаго укрѣпленія писалъ объ опасности, угрожаемой вѣрному ему посту скопищами Кибитъ-Магомы. Другіе лазутчики утверждали, что Шамиль хочетъ овладѣть Евгеньевскимъ укрѣпленіемъ, или броситься на плоскость шамхальства.

Разногласіе этихъ извѣстій показываетъ, какъ трудно было проникнуть настоящія намѣренія врага, искусно пользующагося своею быстротою, центральнымъ положеніемъ и умѣющаго скрывать свои замыслы. Вѣрныхъ лазутчиковъ почти невозможно было имѣть, потому что никто не рѣшался проникнуть въ совѣщательныя собранія Шамиля или къ его приверженцамъ въ горы, изъ боязни неминуемой смерти.

Уже командующій войсками на Кавказской линіи и Черноморіи за нѣсколько дней предъ этимъ собрался совсѣмъ покинуть Дагестанъ, предоставивъ управленіе имъ по прежнему ге-

пералу Клугенау, какъ выше приведенныя извѣстія удержали его въ Темиръ-Ханъ-Шуръ.

22-го октября полученъ былъ рапортъ пристава Кумыкской плоскости о томъ, что самъ Шамиль прибылъ въ Дылымъ и намѣренъ снова атаковать Андрееву.

Въ слѣдствіе этого рапорта, генераль Гурко рѣшилъ немедленно двинуться на Сулакскую линію съ двумя баталіонами, при 4 орудіяхъ, дабы сблизиться съ Внезапною и поддержать ее и Кумыкскую плоскость въ случаѣ вторженія непріятеля.

Выступивъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры 22-го октября вечеромъ, съ своднымъ баталіономъ Аншеронскаго и 2 баталіономъ Тифлискаго полковъ, при двухъ легкихъ и двухъ горныхъ орудіяхъ, генераль Гурко прибылъ на другой день въ сумерки въ Султанъ-Янгіюртъ. Здѣсь свѣдѣнія о намѣреніи Шамиля напасть на Андрееву деревню подтвердились донесеніями генераль-маіора Фрейтага, полковника Козловскаго, главнаго пристава Кумыкской плоскости и начальника Сулакской линіи, подполковника Евдокимова.

Основываясь на этомъ, командующій войсками Кавказской линіи и Черноморіи приказалъ баталіонамъ, прибывшимъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, и войскамъ, находившимся прежде на Сулакской линіи, переправиться на правый берегъ Сулака и расположиться лагеремъ близъ Темиръ-аула. Отсюда они достаточно прикрывали нижнюю часть Кумыкской плоскости, не имѣя передъ собою переправы, удобнѣе могли двинуться къ Андреевой и находясь вблизи Сулака, всегда имѣли возможность защитить Міатлы и Чиръ-Юртъ, если непріятель обратитъ противъ нихъ свои силы.

26-го октября генераль Гурко получилъ донесеніе отъ генерала Фрейтага что намѣреніе непріятеля дѣйствовать противъ Кумыкской плоскости, заставило и его передвинуться изъ Куринскаго укрѣпленія (Ойсунгура) съ двумя баталіонами Куринскаго полка, 8 орудіями и всею кавалеріею въ Тапъ-Кичу. Желая съ ними еще болѣе сблизиться и тѣмъ вѣрнѣе прикрыть Кумыкскую плоскость, генераль Гурко 29-го октября перешелъ съ отрядомъ къ Нуцаль-аулу, а для обезпеченія Сулакской линіи предписалъ генералу Клугенау направить туда, сколько возможно поспѣшнѣе, 3-й баталіонъ Его Свѣтлости полка. Такимъ образомъ, въ Темиръ-Ханъ-Шуръ оставались два Аншеронскихъ баталіона, изъ коихъ одинъ былъ необходимъ для карауловъ, и

одна рота 4-го Кабардинскаго баталіона; остальные же двѣ роты этого баталіона были направлены въ распоряженіе начальника Евгеньевскаго укрѣпленія для прикрытія Зубута, угрожаемаго непріятелемъ изъ Дылыма.

Между тѣмъ Шамиль, не имѣя возможности потревожить на этомъ пространствѣ преданное намъ населеніе, распустилъ Дылымовскія скопища, а самъ направился въ Гумбетъ. Есть много причинъ полагать, что слухи, распускаемые имъ на счетъ Андреевой, были не болѣе какъ искусная хитрость, чтобы оттянуть наши войска за Сулакъ и тѣмъ отдалить ихъ отъ главнаго пункта избранныхъ имъ дѣйствій. Настоящія же его намѣренія были дѣйствовать противъ Гергебиля, куда прибытіе его скопищъ подавало ему надежду присоединить къ себѣ всѣ силы Акуши и Цудахара. Успѣхъ его на этомъ пунктѣ разъединялъ совершенно Дагестанскій, Аварскій и Самурскій отряды, отдавалъ ему во власть шамхальство, Мехтулу и все пространство до Дербента и позволялъ однимъ ударомъ (взятіемъ Темиръ-Ханъ-Шуры) покончить кампанію нынѣшняго года. Планъ столько же искусный, сколько и смѣлый, и который едва было ему не удался.

Генераль Гурко, удостовѣрившись отъ лазутчиковъ объ удаленіи непріятеля, двинулся 28-го октября къ крѣпости Визанной для снабженія отряда провіантомъ. 29-го октября отрядъ его прибылъ въ Султанъ-Янгіюртъ, а 30-го октября направился въ Темиръ-Ханъ-Шуру, оставивъ на Сулакской линіи 3-й баталіонъ Его Свѣтлости полка, при двухъ легкихъ орудіяхъ. Последнее было сдѣлано въ томъ предположеніи, что непріятель, узнавъ объ удаленіи отряда съ Кумыкской плоскости, легко могъ броситься на беззащитныя при-сулакскія селенія.

Такимъ образомъ, цѣль демонстраціи Шамиля на Андрееву деревню была вполнѣ достигнута.

Между тѣмъ, во время пребыванія командующаго войсками на Кумыкской плоскости, генераль Кругенану получилъ письмо Чохскаго кадія Магомета отъ 28-го октября, увѣдомляшаго его о движеніи скопищъ Кибить-Магомы къ Карадахскому мосту.

29-го октября свѣдѣніе о прибытіи Кибить-Магомы въ селеніе Карадахъ подтвердилось донесеніемъ правителя Аваріи маюра князя Орбеліана. Не было сомнѣнія, что Кибить-Магома хотѣлъ угрожать Гергебилю, а потому генераль Кругенану тотчасъ же отправилъ въ селеніе Аймаки двѣ роты Аншеронскаго полка,

при горномъ единорогѣ, съ двоякою цѣлю: 1) для усиленія гарнизона Гергебильскаго укрѣпленія, если непріятель еще не атаковалъ его, и 2) если оно уже обложено, то чтобы не дозволить шорндамъ проникнуть въ Мехтулинское ханство черезъ Аймакинское ущелье.

30-го октября воинскій начальникъ Гергебильскаго укрѣпленія маіоръ Шагановъ донесъ, что Кибить-Магома, съ большимъ скопищемъ пѣхоты и конницы, перешелъ 29-го октября въ Чалдахъ черезъ Аварскую Койсу и занялъ Кикуну. Тогда генералъ Клугенау отправилъ еще двѣ роты въ Аймаки, на присоединеніе къ двумъ прежде посланнымъ. Этого же числа онъ былъ извѣщенъ шамхаломъ, что правительница Мехтулинскаго ханства не имѣетъ средствъ удержать народъ въ должномъ повиновеніи; жители самаго Дженгутала волнуются и угрожаютъ собственной ея безопасности.

Генералъ-маіоръ Клугенау, донеся командующимъ войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи о новыхъ неблагопріятныхъ происшествіяхъ въ Дагестанѣ, прибавилъ, что въ настоящую минуту у него въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ остался одинъ только баталіонъ Апшеронскаго полка и рота 4-го Кабардинскаго баталіона.

Это донесеніе генералъ Гурко получилъ на пути отъ Султанъ-Янгіюрта къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и тотчасъ же ускорилъ слѣдованіе своего отряда.

Но перейдемъ къ Гергебилю, который мы оставили угрожаемымъ скопищемъ Кибить-Магомы.

Селеніе Гергебиль; включавшее болѣе 400 дворовъ, лежитъ въ глубокомъ ущельи въ растояніи версты отъ слиянія двухъ Койсу—Кара и Казкумукской.

Съ восточной стороны оно ограждено скалистыми эскарпами Кутишинскихъ горъ, съ западной замыкается теченіемъ Койсу и лѣсистыми кряжами лѣваго ея берега. Посреди этого ущелья, душливаго въ знойные дни, неприступнаго зимою, когда окрестныя горы покрываются льдомъ, на отдѣльномъ курганѣ, спускающемся широкими полукруглыми террасами къ рѣкѣ, раскинутъ Гергебиль амфитеатромъ. Сакли, тѣсно прижатая одна къ другой, правильными этажами поднимаются отъ основанія кургана до самой вершины, постепенно суживаясь, слѣдуя фигурѣ горы; крыша нижней сакли служила дорогою къ слѣдующей непосредственно надъ нею, а промежутки между

пни (улицы) были такъ тѣсны и кривы, что непривычный человекъ непременно заблудился бы въ этомъ лабиринтѣ грязи и варварства. На террасахъ, служившихъ подножіемъ Гергебилию, были разведены густые сады, заставлявшіе удивляться усиліямъ человека, покорившаго эту каменную, бесплодную почву. Сады эти придавали большую живость унылому Гергебилию.

Укрѣпленіе наше, основанное генераломъ Фезе въ 1842 году, съ виду казалось довольно хорошимъ, но сложенное изъ булыжнаго камня на глинтъ и саманнаго кирпича, въ сущности было довольно плохо и не могло выдержать дѣйствія артиллерійскихъ орудій.

Главная часть укрѣпленія, въ видѣ замкнутаго съ горжи люнета, была расположена на самомъ берегу Койсу для обстрѣливанія противоположнаго берега и обороны переправы чрезъ каменный мостъ. Отъ укрѣпленія къ рѣкѣ сходилъ зигзагами крытый путь, а для непосредственной обороны съ лѣваго берега моста, называемаго Гомли-Кѣрпи, были возведены двѣ оборонительныя башни, на нѣсколько человекъ каждая. Чтобъ воспрепятствовать съ Гергебильскихъ террасъ раскрывать внутренность главнаго (Нижняго) укрѣпленія, на одной изъ нихъ былъ возведенъ шести-угольный редутъ, вмѣстимостію на роту. Съ паденіемъ этой отдѣльной постройки, не было возможности держаться въ Нижнемъ укрѣпленіи.

Въ минуту описываемыхъ дѣйствій, весь гарнизонъ Гергебиля состоялъ изъ 2½ ротъ 3 баталіона Тифлисскаго полка, числительностію въ 400 штыковъ, подъ начальствомъ маіора этого полка Шаганова. Орудій въ Гергебильскомъ укрѣпленіи находилось пять, а именно: 6-ти фунтовая пушка, двѣ 10-ти фунтовыя мортиры, одинъ ¼ пудовый единорогъ и 3 фунтовый горный единорогъ. Гарнизонъ былъ достаточно снабженъ боевыми припасами, но провіанту было мало.

28 октября скопище Кибить-Магомы, въ числѣ 5000 человекъ, при 2 орудіяхъ, заняло прибрежныя Кикунинскія высоты и самое селеніе Гергебиля.

Утромъ 29 числа были замѣтны передвиженія въ станѣ непріятели, а въ полдень того же дня значительныя толпы ившихъ мюридовъ бросились на оба форта, но были тотчасъ же опрокинуты картечнымъ огнемъ Верхняго и Нижняго укрѣпленій. За эту дерзкую попытку горцы понесли значительный уронъ; ус-

пѣхъ же ихъ ограничился отбитіемъ паспагося вблизи укрѣпленій рогатаго скота.

Къ вечеру 29 октября непріятель, окруживъ укрѣпленіе пикетами, расположился въ гергебильскихъ садахъ, командующихъ Верхнимъ укрѣпленіемъ.

Между тѣмъ, при первомъ извѣстіи о движеніи непріятельскихъ скопищъ къ Гергебилю, жители Цудахарскаго общества вышли поголовно на границы своихъ земель, чтобы прикрыть ихъ отъ грабежа мюридовъ. Но едва только Кибитъ-Магома показался на Кикунинскихъ высотахъ, какъ Цудахарцы, испугавшись многочисленности его скопища, стали по немногу ему передаваться. Къ 30 числу ихъ собралось въ непріятельскомъ лагерѣ болѣе 500 человѣкъ.

По заведенному порядку, утромъ 30 октября, 7 егерская рота, занимавшая Верхнее укрѣпленіе, выслала команду за водой; но команда эта, встрѣченная огнемъ самихъ жителей Гергебиля, принуждена была отступить послѣшно къ Нижнему укрѣпленію; оттуда крытый ходъ еще позволялъ спускаться къ рѣкѣ. Въ этотъ день непріятель не предпринималъ ничего, но въ ночь на 31 число онъ успѣлъ обложить оба форта завалами и устроить батарею, а съ разсвѣтомъ открылъ по укрѣпленію частый ружейный и артиллерійскій огонь.

Нѣсколько смѣльчаковъ зашли у самыхъ кухонь, чтобы не дозволить солдатамъ брать воду и варить пищу. По распоряженію воинскаго начальника маіора Шаганова собралось около поручика Щедро сотня охотниковъ; быстро сдѣлана вылазка, непріятель прогнанъ изъ прибрежныхъ заваловъ, которые тотчасъ были разрушены, и гарнизонъ набралъ воды на двое сутокъ. Вылазка эта была такъ удачно и благоразумно направлена, что напавшіе имѣли не болѣе 5 человѣкъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и 1 оберъ-офицера, между тѣмъ какъ около 30 мюридовъ заколоты штыками и трупы ихъ остались на мѣстѣ.

Продолжавшійся во весь этотъ день безпрерывный огонь значительно утомилъ гарнизонъ, потерявшій 32 человѣка убитыми и ранеными; но мужество и хладнокровіе маіора Шаганова, капитана Гарина и другихъ офицеровъ поддерживало подчиненныхъ.

Непріятель также понесъ значительныя потери преимущественно отъ картечнаго огня Верхняго укрѣпленія; ружейный

огонь изъ бойницъ былъ не менѣе удаченъ, въ чемъ сознавался впоследствии и самъ непріятель.

Къ ночи огонь стихъ.

1 ноября, въ полдень, огромныя толпы пѣхоты и конницы, подъ предводительствомъ самаго Шамиля, покрыли высоты по обѣ стороны Кикупинской дороги и быстро спустились къ Гергебилию. Появленіе ихъ было сигналомъ къ общей атакѣ. Новоприбывшіе мюриды и пѣхота Кибитъ-Магомы, предшествуемая Цудахарцами, бросились на оба укрѣпленія. Храбрые Тифлисцы, руководимые распорядительностію и мужествомъ своихъ офицеровъ, скоро отбросили назадъ и эту атакующую массу.

Тогда опять закипѣлъ огнестрѣльный бой, огласившей грознымъ эхомъ все ущелье на нѣсколько верстъ. Съ высоты, Гергебильское укрѣпленіе казалось чѣмъ то въ родѣ гнѣзда ласточки, окруженное черными тучами непріятели. Неумолкаемый громъ орудій, суета и движенія непріятели, освѣщеннаго бивучными огнями, открывали картину величественную, заставлявшую содрогаться наиболѣе испытанныхъ воиновъ.

Сборъ огромныхъ силъ подъ Гергебилемъ (у непріятели въ это время было свыше 10,000 пѣхоты и конницы при 4 орудіяхъ), который Шамиль съ умысломъ развивалъ, чтобъ еще болѣе подействовать на воображеніе покорнаго намъ населенія, возымѣли свое дѣйствіе. Цудахарцы окончательно отложились, а Акушинцы стояли въ сборѣ при селеніи Лавани и повидимому ждали только развязки дѣла, чтобъ окончательно избрать ту или другую сторону. Это явное возстаніе однихъ, двухсмысленное поведеніе другихъ, совершенно нарушило связь Сѣвернаго Дагестана съ Южнымъ и князю Аргутинскому не было возможности двинуться по землямъ возставшихъ обществъ на помощь Гергебилию, особенно имѣя столь незначительный отрядъ.

Съ своей стороны, Шамиль, видя невозможность взять открытою силою слабыхъ и даже ничтожныхъ стѣнокъ, защищаемыхъ горстью солдатъ, и понесъ значительную убыль въ людяхъ, приказалъ рубить гергебильскіе сады, долженствующіе доставить ему матеріалъ для болѣе правильной осады. Горцы имѣютъ свою особую систему осады: вмѣсто траншей и подступовъ, выемка которыхъ на мѣстности каменистой почти невозможна и притомъ требуетъ спеціально приготовленныхъ рабочихъ (саперъ), горцы употребляютъ дрова. Сложивъ ихъ на манеръ бруствера, они, посредствомъ ловкаго перекидыванья полѣнцевъ съ внутренней

крутости на наружную, подвигаютъ постепенно эти дровяные бруствера къ укрѣпленію, и подойдя такимъ образомъ на близкое разстояніе, или бросаются на приступъ, или дѣйствіемъ огня понемногу ослабляютъ гарнизонъ. Идея подвижныхъ брустверовъ отчасти напоминаетъ наши прежніе *гуллі-городки*, употреблявшіеся при осадахъ въ до-Петровскій періодъ военнаго искусства.

Сверхъ этого, заготовлялись бревенчатые щиты съ бойницами для стрѣлковъ и фашины для перехода черезъ ровъ.

Этотъ родъ остроумной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти правильной осады явно обнаруживалъ рѣшимость непріятеля овладѣть во чтобы то ни стало укрѣпленіемъ. Безпрерывно прибывающія новыя толпы горцевъ еще болѣе подтверждали въ томъ.

Въ то время, какъ силы и средства непріятеля умножались съ часу на часъ, гарнизонъ гергебильскій видимо ослабѣвалъ, исключая нравственной силы, которая ни на минуту не оставляла горсть Русскихъ до конца отчаянной обороны. Пятидневный, безпрерывный бой утомилъ защитниковъ Гергебиля, терявшихъ ежедневно отъ 30 до 35 человекъ.

Стѣны Верхняго укрѣпленія были пробиты во многихъ мѣстахъ ядрами, а на мѣстѣ батарей осталась одна груда камня, не смотря на усиленія въ теченіе ночи исправленія. Вслѣдствіе этого на общемъ совѣтѣ положено было оставить Верхнее укрѣпленіе, но оставить съ честью, давъ горцамъ жестокій урокъ.

Предположено было устроить тамъ мины. Мысль эта была единодушно принята и выполненіе ея поручено подпоручику гарнизонной артиллеріи Федорову и поручику Щедро. Они, подъ наблюденіемъ майора Шаганова, закопали четыре пудовые боченка подъ офицерскимъ флигелемъ и казармою, сшили изъ брезента сосисъ въ 48 аршинъ длиною и провели его за стѣну укрѣпленія, устроивъ крытое помѣщеніе для унтеръ-офицеровъ Чаевского, Невѣрова и рядоваго Семенова, пожертвовавшихъ собою для приведенія въ исполненіе предположеннаго намѣренія.

Въ вечеру 2 ноября мины были готовы; непріятель, занятый перестрѣлкою и заготовленіемъ фашиновъ, не замѣтилъ работъ гарнизона.

Ночью на 3-е число, единорогъ, мортиры и имущество 7 роты были перенесены въ Нижнее укрѣпленіе. Унтеръ-офицеръ Зиобищевъ, съ шестью рядовыми, остался маскировать отступленіе роты предъ многочисленнымъ непріятелемъ. Предъ самымъ

разсвѣтомъ, фортъ былъ оставленъ и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находились вызвавшіеся поджечь мины: Чаевскій, Невѣровъ и Семеновъ.

Доведенный до иступленія мужественною обороною гарнизона, непріятель, замѣтивъ тишину въ Верхнемъ укрѣпленіи, забросалъ поспѣшно ровъ фашинами, вбѣжалъ на стѣны и не видя тамъ никого, бросился въ казармы и офицерскіе флигеля искать добычи. Въ короткое время вся внутренность укрѣпленія наполнилась толпами непріятели.

Въ эту самую минуту былъ сообщенъ огонь минамъ; раздался страшный трескъ и груды земли каменье, вмѣстѣ съ обезображенными труппами мюридовъ, полетѣли на воздухъ.

Когда разсѣялось облако пыли и дыма, болѣе трехъ сотъ непріятельскихъ тѣлъ покрывали гергебильскія террасы; нѣкоторыя изъ нихъ сплюю взрыва были отброшены на значительное разстояніе.

То была послѣдняя мѣсть непріятелю со стороны доблестныхъ защитниковъ, которые, переходя въ Нижнее укрѣпленіе, понимали, что безъ посторонней помощи имъ уже не было надежды къ спасенію.

Чаевскій, Невѣровъ и Семеновъ жизнью заплатили за свое геройское самоотверженіе.

Потерявъ въ одинъ моментъ и неожиданно огромное число людей, горцы съ ожесточеніемъ атаковали Нижнее укрѣпленіе и преимущественно тотъ фасъ, гдѣ помѣстилась 7 егерская рота.

Здѣсь сто сорокъ штыковъ, предводимые Гаринимъ, поддержанные картечью изъ двухъ орудій, по прежнему отразили мюридовъ. Всю ночь на 4 число гарнизонъ исправлялъ стѣны и батареи, горцы вязали фашины.

4 числа непріятель громилъ Нижнее укрѣпленіе съ своихъ батарей и въ тоже время постепенно приближалъ къ укрѣпленію свои подвижные бруствера изъ поленьевъ, щитовъ и фашинь. Дѣйствіе непріятельскаго огня было губительно для гарнизона; не ограничиваясь этимъ, мюриды, собираясь позади щитовъ въ кучки, бросались по временамъ на стѣнки укрѣпленія, но всякій разъ были сбрасываемы штыками въ ровъ.

Число убитыхъ и раненыхъ съ нашей стороны значительно умножалось. Гарнизонъ дѣлался ничтожище силами, но не упалъ духомъ и о сдачѣ не думалъ; напротивъ того, всѣ клялись лучше умереть, защищаясь до послѣдняго.

Около 4-хъ часовъ по полудни, солдаты увидѣли на Аймакинскихъ высотахъ своихъ товарищей. Это былъ Дагестанскій отрядъ. Надежда на спасеніе мелькнула въ сердцахъ храбрыхъ воиновъ, но увы! то было напрасно. Обстоятельства края и причины, которыя мы сейчасъ объяснимъ, воспрепятствовали генералу Гурко спасти Гергебиль.

Мы оставили командующаго войсками Кавказской линіи и Черноморіи съ двумя баталіонами на пути къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, куда онъ спѣшилъ, призываемый новыми тревожными свѣдѣніями на счетъ Дагестана.

31-го октября онъ прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а 1-го ноября получены слѣдующія извѣстія: 1) отъ командующаго баталіономъ въ Аймакахъ, что Гергебильское укрѣпленіе тѣсно блокируется пяти тысячною непріятельскою партіею; у Кибитъ-Магомы два орудія, 1000 человекъ мюридовъ заняли верхнюю дорогу изъ Аймаковъ къ Гергебилю, а 500 человекъ охраняютъ выходъ изъ Аймакинскаго ущелья, и 2) отъ шамхала, что Шамилъ прибылъ въ Ащилту и оттуда намѣренъ черезъ Цатаныхъ и Араканы вторгнуться въ шамхальскія и мекхулдинскія владѣнія.

Эти извѣстія заставили генерала Гурко съ баталіонами, бывшими подъ рукою, двинуться къ Огламъ, откуда онъ могъ, сообразно обстоятельствамъ, направиться и къ Гергебилю и къ Араканамъ. Оба эти пункта были равно важны для насъ, какъ открывающіе непріятелю входъ на плоскость (*), и хотя доступы къ нимъ были одинаково трудны (**), но представлялась возможность достигнуть: перваго черезъ содѣйствіе Самурскаго отряда, а послѣдняго черезъ содѣйствіе Араканцевъ, въ теченіе десяти лѣтъ отличавшихся постоянною преданностію къ намъ. Такимъ образомъ, 1-го ноября, въ селеніе Оглы были направлены: одинъ баталіонъ Апшеронскаго и 2-й баталіонъ Тифлисскаго полковъ, при 5 горныхъ единорогахъ; 3 баталіону Навагинскаго полка, находившемуся въ Зырянахъ для конвоировація транспортовъ къ Хунзахъ, приказано было слѣдовать прямо черезъ Дженгутай въ Оглы, оставивъ въ Ирганаѣ одну роту, для прикрытія селенія и дороги къ Бурумдукъ-Кале.

(*) Изъ Аракановъ черезъ Шеншерекъ открывается свободная дорога на Ахкентъ, Оглы, Ащи, а урочищемъ Гаркасъ на Дженгутай и далѣе.

(**) Въ Араканы съ Шеншерекъ дорога идетъ сначала по ущелью, постепенно суживающемуся, а потомъ лѣстницею, изсѣченной въ скалѣ, сходять къ самому селенію, прижатоу къ хребту Гаркаса.

Въ Темиръ-Ханъ-Шуръ оставался еще одинъ (последній) Апшеронскій баталіонъ и рота 4-го Кабардинскаго баталіона. Двумъ ротамъ этого баталіона, занимавшимъ Зубутъ, приказано было возвратиться въ Темиръ-Ханъ-Шуру, куда они прибыли только 3-го ноября. 3-й баталіонъ Его Свѣтлости полка тоже предписано было направить немедленно къ Темиръ-Ханъ-Шуръ; но начальникъ Сулакской линіи, подполковникъ Евдокимовъ, угрожаемый сборами въ Чечнѣ, просилъ разрѣшенія оставить на Сулакъ покрайней мѣрѣ двѣ роты этого баталіона, а третью роту (4-ю гренадерскую) возвратилъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, куда она прибыла 5-го ноября.

Въ тоже время командующій войсками Кавказской линіи и Черноморіи обратился къ князю Аргутинскому съ просьбою о содѣйствіи Гергебилию; но, какъ мы видѣли, волненіе Цудахарскаго общества препятствовало малочисленному Самурскому отряду отважиться на это движеніе.

3-го ноября сосредоточились въ Оглахъ сводный Апшеронскаго, 2 Тифлисскаго и три роты 3-го баталіона Навагинскаго полковъ, при 5 орудіяхъ и трехъ сотняхъ шамхальской милиціи. Здѣсь генераль Гурко получилъ свѣдѣніе, что скопище отъ Ашильтовъ уже прибыло къ Гергебилию и что огромныя непріятельскія силы, подъ предводительствомъ Шампиля, осадили наше укрѣпленіе.

Желая выручить Гергебильскій гарнизонъ, командующій войсками рѣшился съ этими силами приблизиться къ атакованному пункту, надѣясь на содѣйствіе отряда князя Аргутинскаго.

Къ Гергебилию, какъ намъ извѣстно, вели три дороги: одна по Аймакинскому ущелью, прорѣзывающему высокій кутешинскій хребетъ, а двѣ другія чрезъ хребетъ вправо и влѣво отъ ущелья. Первая дорога была лучшею между Аймаками и Гергебилемъ, но по этому пути нельзя пройти и многочисленному отряду, если выходъ изъ ущелья занятъ непріателемъ; тамъ нѣсколько десятковъ людей могутъ остановить тысячи. Вправо отъ Аймакинскаго ущелья ведетъ чрезъ гору тропинка, едва доступная для пѣшихъ, а влѣво другая тропинка, нѣсколько удобнѣе первой. По послѣдней можно проводить лошадей, а съ усиліемъ и горныя орудія. Подъемъ продолжителенъ и труденъ, но спускъ къ Гергебилию несравненно продолжительнѣе и труднѣе подъема. Тропинка извивается по крутымъ косогорамъ, спускается въ глубокіе овраги, проходитъ въ тѣснинахъ между от-

рогами Кутишинскаго хребта, усѣянныхъ оторвавшимися камнями огромной величины, и, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ съ уступа на уступъ, до подножія хребта, близь котораго лежить Гергебиль, насупротивъ выхода изъ Аймакинскаго ущелья.

Генераль Гурко избралъ послѣдній путь для слѣдованія къ Гергебилю, какъ дававшій возможность сблизиться съ Самурскимъ отрядомъ, въ случаѣ движенія его впизъ по Казикумухской-Койсу.

Въ ночь на 4-е ноября отрядъ выступилъ изъ Огловь къ Айшакамъ. Здѣсь къ нему присоединились двѣ роты отъ Апшеронскаго баталіона, а другія двѣ роты, при горномъ орудіи, нельзя было оттуда вывести потому, что между жителями селенія уже обнаруживалось волненіе и роты эти должны были не только удерживать ихъ въ повиновеніи, но и охранять выходъ изъ Аймакинскаго ущелья, въ который легко могъ проникнуть непріятель. Такимъ образомъ, собранный отрядъ состоялъ изъ трехъ баталіоновъ и одной роты при пяти горныхъ единорогахъ; численность его, включая унтеръ-офицеровъ, не превышала 1600 штыковъ.

Въ полдень 4-го ноября отрядъ достигнулъ вершины хребта, откуда было видно укрѣпленіе. Верхняго укрѣпленія уже не существовало; нижнее, атакованное всѣми силами непріятеля, мужественно защищалось.

Съ высоты перевала генералу Гурко открылись всѣ затрудненія, которыя онъ могъ встрѣтить при движеніи по Гергебильскому спуску, сильно занятому непріятельскими завалами. Имѣя всего 1600 штыковъ, было опасно форсировать позицію многочисленнаго непріятеля, и къ которой вели такіе трудные доступы. Въ случаѣ неудачи, отрядъ неминуемо погибнулъ бы и притомъ безъ всякой пользы для осажденныхъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, генералу Гурко предстояло одно, это рѣшиться пожертвовать гарнизономъ для спасенія единственнаго и послѣдняго резерва Сѣвернаго Дагестана, отъ существованія котораго зависѣло сохраніе Аварскаго отряда и самой Темиръ-Ханъ-Шуры. Однако, не желая принять на себя всю отвѣтственность въ столь важныхъ обстоятельствахъ, онъ собралъ военный совѣтъ. Всѣ участвовавшіе въ совѣтѣ, за исключеніемъ полковника Ковалевскаго, единогласно объявили совершенную невозможность спуститься съ хребта и видѣли въ попыткѣ къ освобожденію укрѣпленія неизбѣжную и бесполезную гибель всего

отряда, слѣдствіемъ которой было бы уничтоженіе нашего владычества въ Дагестанѣ. Мнѣніе совѣта окончательно заставило командующаго войсками отказаться отъ движенія къ Гергебилю съ имѣвшимися въ его распоряженіи силами и предоставить укрѣпленіе собственной оборонѣ.

Рѣшившись не идти къ Гергебилю, генераль Гурко спустился однако съ главной высоты и сталъ лагеремъ нѣсколько ниже, чтобы видѣть, что предприметъ непріятель при появленіи нашихъ войскъ. Чувствуя свою силу и хорошо понимая невыгоды для насъ мѣстности, Шамиль продолжалъ канонировать укрѣпленіе, два раза въ виду отряда посылалъ свои скопища на приступъ и только отдѣлилъ часть ихъ на подкрѣпленіе мюридамъ, занимавшимъ гребни высотъ и завалы вдоль спуска съ хребта.

Только въ случаѣ движенія Самурскаго отряда внизъ по Койсу предстояла возможность Дагестанскому отряду дѣйствовать наступательно, а потому генераль Гурко еще разъ отнесся къ князю Аргутинскому съ просьбою о содѣйствіи. На прибытіе изъ Аваріи трехъ баталіоновъ подполковника Пассека, онъ не надѣялся, потому что кратчайшій путь отъ Хунзаха къ Гергебилю находился въ рукахъ непріятели, занимавшаго крѣпкое по мѣстоположенію селенія Кикунуны. Впрочемъ, если бы Пассекъ рѣшился туда двинуться, онъ могъ избрать другіе два пути, именно отъ Гочатля на Мали (между этими пунктами имѣлся весьма удобо-проходимый бродъ чрезъ Аварскую Койсу), или болѣе удобнѣйшею дорогою чрезъ Карадагскій мостъ. Какъ отъ Мали, такъ и отъ Карадагскаго моста пролегаетъ нѣсколько удобныхъ путей цѣликомъ чрезъ горы Ибута и выводитъ на отвѣсный гребень лѣваго берега Казякумухской Койсу, между гергебильскимъ укрѣпленіемъ и Кикунами, гдѣ нынѣ находится непріятельское укрѣпленіе Улли-Кала. Отсюда, не переходя Койсу, можно было однимъ дѣйствіемъ артиллеріи разсѣять непріятели, такъ какъ Улли-Калинская позиція совершенно командуетъ надъ окрестностями Гергебиля.

Впрочемъ, объ этомъ въ дѣлахъ не, сохранилось никакой переписки, а слѣдовательно причины, побудившія подполковника Пассека оставаться спокойнымъ зрителемъ гергебильскихъ событій, унесены имъ въ могилу.

4-го и 5-го ноября Дагестанскій отрядъ простоялъ на Кутжинскомъ хребтѣ въ ожиданіи Самурскаго отряда; но 5-го, передъ вечеромъ, генераль Гурко получилъ рапортъ отъ князя Аргутин-

скаго (*), доносившаго, что по случаю нахождения войскъ на Самурѣ, онъ не можетъ двинуться къ Гергебилию раньше шести дней, и то съ тремя весьма слабыми баталіонами. Въмѣстѣ съ этимъ получено было достовѣрное свѣдѣніе объ измѣнѣ Акушинскаго кадїа, о возстаніи Мехтулы и волненіи Шамхальцевъ.

При такихъ обстоятельствахъ, командующій войсками Кавказской линіи и Черноморіи не могъ оставаться на спускѣ къ Гергебилию, а потому въ ночь на 6-е ноября отступилъ на Аймакинскія высоты (между Ахкентомъ и Аймаками). Взбунтовавшіеся Акушинцы настигли арріергардъ его отряда, но были разсѣяны картечью и бѣжали въ беспорядкѣ, унеся значительное

(*) Вотъ сущность донесеній генералъ-маіора князя Аргутинскаго, объявляющихъ его бездѣйствіе во время осады Гергебили Шамилемъ:

1) *Князь Аргутинскій корпусному командиру отъ 2-го ноября:* Ходатайствуетъ объ усиленіи Самурскаго отряда до пяти баталіоновъ, съ каковою силою можетъ предпринять наступательныя дѣйствія на Карадахъ. Карадахъ важный стратегической пунктъ въ отношеніи Южнаго Дагестана. Занятіе его отрѣзываетъ путь отступленія Кибить-Магомы, который теперь находится у Гергебилиа.

Примѣчаніе. Въ составъ Самурскаго отряда должны были поступить 1-й баталіонъ Эриванскаго, 1-й баталіонъ Тифлискаго, 1-й и 4-й баталіоны Мингрельскаго полковъ.

2) *Корпусному командиру отъ 4-го ноября.* Сегодня было жаркое дѣло у Гергебилиа. Я собралъ 2,000 Казикумухской милиціи, спустилъ ее въ Карахъ, гдѣ она истребила запасы хлѣба и сѣна; теперь она на Турчидагѣ. Съ нею одною я намѣревался двинуться къ Гергебилию, но не посмѣлъ, потому что Цудахарцы чрезвычайно дурно себя ведутъ, а Акушинцы равнодушны къ нашему дѣлу.

3) 4-го ноября князь Аргутинскій предписалъ начальнику Самурскаго округа, подполковнику князю Орбеліану, двинуть съ Самура всѣ войска къ Кумуху, а командиру Его Свѣтлости полка двинуть двѣ роты 5-го баталіона его полка изъ Южной Табасарани къ Чираху и Кураху, на смѣну находящихся тамъ гарнизоновъ.

- 4) *Князь Аргутинскій, генералу Гурко отъ 4-го ноября.* Въ настоящую минуту, я имѣю только 2,000 Казикумухской милиціи на границахъ Цудахарскаго общества, а всѣ регулярныя войска расположены въ долинѣ Самура, для поправленія послѣ труднаго похода въ Аварію. Я сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ ихъ къ Кумуху, куда они придутъ не раньше шести дней. Отрядъ, такимъ образомъ собранный, будетъ состоять изъ трехъ слабыхъ баталіоновъ при пяти горныхъ единорогахъ. Съ этимъ, что я могу предпринять? По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, войска, направленные пзъ Закавказья на подкрѣпленіе Самурскаго отряда, а именно: 4 баталіона Мингрельскаго полка прибываютъ въ долину Самура 18-го ноября, три роты Тифлискаго 20-го ноября, а двѣ роты Эриванскаго только 26-ноября. Съ ними я еще могу дѣйствовать самостоятельно.

число своихъ раненыхъ. Это было достойнымъ возмездіемъ измѣнникамъ.

Акушинцы со времени Ермоловскаго погрома и до сей минуты оставались намъ вѣрными; но теперь, увлеченные всеобщимъ коловоротомъ неслыханныхъ событій, они поколебались и вступили въ сношенія съ Шамилемъ, еще за два дня до прибытія отряда генерала Гурко на Кутишинскій хребетъ. Шамиль, по своему обыкновенію, задержалъ посланныхъ къ нему для переговоровъ сына Акушинскаго кадія и дѣтей важнѣйшихъ лицъ Акуши, чѣмъ и принудилъ все еще колебавшійся народъ окончательно перейти на его сторону.

Съ Аймакинскихъ высотъ генералъ Гурко не рѣшился возвращаться въ Темиръ-Ханъ-Шуру прежнимъ путемъ, т. е. на Оглы и Дженгутай, по причинѣ волненія Мехтулинскаго ханства, въ чемъ его убѣдили бывшіе при отрядѣ Мехтулинцы и Шамхальцы, которые въ нашихъ глазахъ передавались непріателю.

На этомъ основаніи, отрядъ, 6-го ноября, выступилъ болѣе безопаснымъ путемъ чрезъ урочище Гаркасъ, преслѣдуемый на всемъ переходѣ жителями верхнихъ деревень Мехтулинскаго ханства. Къ вечеру войска прибыли на Гаркасъ, имѣя ранеными двухъ оберъ-офицеровъ и 6 нижнихъ чиновъ; непріатель потерялъ одними убитыми 10 человекъ, что было видно по числу ружей, подобранныхъ солдатами. На Гаркасъ была сдѣлана дневка, необходимая какъ для отдыха войскъ, такъ и для отданія необходимыхъ распоряженій къ сосредоточенію разсѣянныхъ силъ Сѣвернаго Дагестана.

Но обратимся къ Гергебилию.

Уже 4-го ноября въ Нижнемъ укрѣпленіи были пробиты двѣ бреши, какъ о томъ писалъ генералъ Гурко князю Аргутинскому. 5-го, 6-го и 7-го чиселъ непріатель поддерживалъ огонь изъ орудій съ прежнимъ постоянствомъ, подступы его подвигались ближе и ближе, а дѣйствія непріательскихъ стрѣлковъ ослабляли мало по малу гарнизонъ.

8-го ноября, въ десять часовъ утра, когда защитниковъ оставалось не болѣе 50 человекъ, толпы мюридовъ наводнили разбитую въ дребезги крѣпость, пройдя въ нее по трупамъ своихъ собратій, положенныхъ изнуренными боемъ и голодомъ Тифлиссцами. Весь гарнизонъ былъ истребленъ; исключая нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, штабсъ-капитана фонъ-Платена и поручика

Щедро. Последняго спасли жители Ахальчи, у которыхъ онъ стоялъ въ селеніи съ ротою болѣе года; они его передали въ Чиркатъ, откуда онъ вскорѣ былъ вымѣненъ на одного мюрида.

По показаніямъ, отобраннымъ у чохскаго выходца, и по свѣдѣніямъ, доставленнымъ лазутчиками, противъ Гергебиля были собраны люди изъ 124 магаловъ (округовъ), всего до 10,000 человекъ, и въ каждомъ магалѣ была потеря, простирающаяся въ общемъ итогѣ болѣе 1,000 человекъ убитыми и ранеными. Такъ кончилась 12-ти дневная осада Гергебиля.

Паденіе Гергебиля было сигналомъ къ востанію койсубулинскихъ деревень, лежащихъ по правому берегу Аварской Койсу; въ числѣ ихъ были и Араканы, отличавшіеся десятилѣтнею преданностію. Араканскій кадій Гассанъ-Хаджію, не имѣя возможности удержать управляемое имъ селеніе въ границахъ повиновенія, бѣжалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру; но на дорогѣ былъ убитъ Ирганаевцами.

Потеря Гергебиля и измѣна койсубулинскихъ деревень ставила Аварскій отрядъ въ крайне опасное положеніе, по этому первому заботою командующаго войсками кавказской линіи и Черноморіи, по прибытіи на урочище Гаркасъ, было отдать приказаніе объ очищеніи Хунзаха и Балаканъ. Пораженный не оправдавшимися расчетами, генераль Гурко писалъ генералу Клугенау отъ 7-го ноября: «Вы увѣрили меня, что занятіе Хунзаха удерживаетъ въ повиновеніи общества по правую сторону Аварской Койсу, между тѣмъ на дѣлѣ ничего этого не оправдалось: Гергебиль осажденъ, Цудахарцы, Акушинцы и Мехтулинцы бунтуютъ, а въ Аваріи пропадаетъ даромъ четыре баталіона. Прикажете подполковнику Пассеку скрытно очистить Хунзахъ».

Вслѣдствіе этого, генераль Клугенау отправилъ (отъ 8-го ноября) предписаніе подполковнику Пассеку отступить изъ Аваріи, присоединивъ къ себѣ баталіонъ, расположенный въ Балаканахъ, и срывъ самое укрѣпленіе. Въ свое время мы увидимъ, какимъ образомъ совершилось это отступленіе, составляющее въ свою очередь отдѣльный, славный эпизодъ 1843 года, а теперь обратимся къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ генерала Гурко.

Вмѣстѣ съ очищеніемъ Аваріи приказано было вывести гарнизонъ изъ Гимръ, такъ какъ онъ не могъ тамъ держаться безъ содѣйствія жителей; для обезпеченія же слѣдованія отъ Гимръ до вершины Каранаевского подъема, приказано было взять аманатовъ изъ лучшихъ семействъ селенія. Гарнизонъ Ни-

зоваго укрѣпленія, состоявшій изъ роты Грузинскаго линейнаго № 12 баталіона и взвода 5 егерской роты Кабардинскаго полка (подъ прикрытіемъ котораго были посланы туда изъ Темиръ-Ханъ-Шуры черводарскій и конно вьючный транспортъ) былъ усиленъ 4-й гренадерскою ротою Его Свѣтлости полка, отправленнаго туда 7-го ноября.

По окончаніи этихъ распоряженій, командующій войсками Кавказской линіи и Черноморіи выступилъ съ урочища Гаркаса въ Темиръ-Ханъ-Шуру, куда и прибылъ 8-го ноября (*). При проходѣ отряда черезъ сел. Боль. и Мал. Казанищи, хотя жители и не дѣйствовали непріязненно, однако открыто говорили, что не будутъ защищаться противъ Шамиля. Шамхаль три раза собиралъ старшинъ и почетныхъ узденей и черезъ нихъ увѣщевалъ народъ дать отпоръ Шамилю, но увѣщанія его остались безъ послѣдствій и самъ онъ принужденъ былъ удалиться въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

9-го ноября прибылъ благополучно въ Темиръ-Ханъ-Шуру гарнизонъ Гимринскаго укрѣпленія. Къ сожалѣнію, гарнизонъ не могъ привезти съ собою бывшаго съ нимъ орудія, по причинѣ чрезвычайно труднаго подъема на Каранай; но оно испорчено сколько было возможно, а заряды брошены въ воду. Воинскій начальникъ не нашелъ нужнымъ для обезпеченія слѣдованія брать Аманатовъ, потому что Гимринцы ласково растались съ бывшими ихъ постояльцами и провожали солдатъ почти до самаго Караная.

По случаю обнаружившихся волненій въ присулакскихъ селеніяхъ Чиръ-Юртъ, Султанъ-Янгіюртъ и Чонтъ-аулъ, приказано было ихъ очистить, а войска сосредоточить въ Казіюртъ, какъ въ пунктъ, обезпечивающемъ сообщеніе Темиръ-Ханъ-Шуры съ линіею. Охраненіе этого сообщенія было возложено на подполковника Евдокимова.

Сообщеніе Темиръ-Ханъ-Шуры съ Тифлисомъ на Дербентъ было прервано по случаю востанія Акушимцевъ, успѣвшихъ захватить одну почту и козаковъ, находящихся на постахъ Буйнакскомъ, Карабудахкентскомъ и Гиллинскомъ.

(*) Вмѣстѣ съ отрядомъ возвратились въ Темиръ-Ханъ-Шуру и части Грузинскаго линейнаго № 14-го баталіона, находившіяся на урочищѣ Гаркасъ и въ Большихъ Казанищахъ.

Вмѣстѣ съ распоряженіемъ объ очищеніи Сулакской линіи, дано разрѣшеніе воинскому начальнику Озенскаго поста оставить занимаемый имъ постъ и слѣдовать, если обстоятельства дозволятъ, съ командою (состоявшею изъ 62 человекъ), въ укрѣпленіе Казіюртовское. Подполковнику Евдокимову по сосредоточеніи войскъ приказано было двинуться въ Низовое и забрать находящіеся тамъ транспорты конно-вьючный и черводарскій; но онъ, какъ увидимъ ниже, не могъ успѣть исполнить это приказаніе.

По приведеніи въ исполненіе этихъ распоряженій, войска Сѣвернаго Дагестана сгруппировались слѣдующимъ образомъ:

Въ Темиръ-Ханъ-Шуръ.

Весь Апшеронскій полкъ, за исключеніемъ двухъ слабыхъ ротъ, находившихся въ откомандировкѣ.

2-й баталіонъ Тифлискаго полка.

Три роты 3-го баталіона Навагинскаго полка.

2½ роты 4 баталіона Кабардинскаго полка.

Одна рота Грузинскаго линейнаго № 14-го баталіона.

Команды отъ частей, расположенныхъ на другихъ пунктахъ.

Шесть горныхъ и четыре легкихъ орудій, кромѣ гарнизонной артиллеріи.

Двѣ съ половиною сотни козаковъ (*).

Въ Евгеньевскомъ укрѣпленіи.

Грузинскій линейный № 13 баталіонъ и одна рота 4 баталіона Кабардинскаго полка.

Отъ гарнизона Евгеньевскаго укрѣпленія назначались караулы для занятія башенъ, устроенныхъ въ Зубутъ и Чиркѣ.

Въ Мятлинскомъ блокаузѣ.

Одна рота Апшеронскаго полка и 80 человекъ отъ Грузинскаго линейнаго № 13-го баталіона.

(*) Передъ возвращеніемъ отряда генерала Гурко въ Темиръ-Ханъ-Шуру, подполковнику Евдокимову предписывалось выслать туда двѣ сотни козаковъ, одну Ставропольскаго полка, другую уральскаго войска, необходимыхъ для содержанія пикетовъ и разъѣздовъ, которые и прибыли по назначенію 9-го ноября.

Въ Казіюртѣ.

Двѣ роты своднаго баталіона Его Свѣтлости, 1 баталіонъ Кабардинскаго полковъ, три роты Грузинскаго линейнаго № 12 баталіона, взводъ Апшеронскаго полка (прибывшій съ Озени), пять сотенъ козаковъ и четыре легкихъ орудія, исключая гарнизонной артиллеріи.

Въ Низовомъ укрѣпленіи.

4 гренадерская рота Его Свѣтлости, взводъ 4 баталіона Кабардинскаго полковъ и рота женатыхъ Грузинскаго линейнаго № 12 баталіона.

Въ Нагорномъ Дагестанѣ находились слѣдующія войска:

Въ Хунзахѣ.

1 баталіонъ Его Свѣтлости, 3 Кабардинскаго и 2 Куринскаго полковъ при, 6 горныхъ единорогахъ.

Въ цитадели двѣ роты Грузинскаго линейнаго № 14 баталіона.

Въ Балаканскомъ укрѣпленіи.

2 баталіонъ Его Свѣтлости полка, два легкихъ орудія, горный единорогъ и двѣ мортирки.

Въ Зырянскомъ укрѣпленіи.

Рота Грузинскаго линейнаго № 14 баталіона, рота 3 баталіона Навагинскаго полка (прибывшая туда изъ Ирганая), и 30 человекъ Апшеронскаго полка.

Отъ гарнизона Зырянскаго укрѣпленія было отдѣлено 25 рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ для занятія Бурундукъ-кальской башни.

По овладѣніи Гергебильскимъ укрѣпленіемъ, Шамиль тотчасъ же направилъ конныя партіи мюридовъ, вмѣстѣ съ Акушинцами, на сообщеніе между Шурою и Дербентомъ. Акушинскія стада поступили подъ охрану мюридовъ и служили Шамилю, вмѣстѣ съ взятыми аманатами, залогомъ въ вѣрности первыхъ. Это обыкновенная политика Шамиля: теперь Акушинцамъ трудно было ему измѣнить; при малѣйшей попыткѣ къ этому, они теряли стада, единственное свое богатство, а лучшіе и наиболѣе вліятельныя изъ нихъ уздени — своихъ дѣтей.

Занявъ Гергебиль частью своей пѣхоты, Шамиль перешелъ въ Дженгутай, а Акушинскаго кадйя двинулъ къ Таркамъ. 11-го ноября Шамиль прибылъ въ Бол. Казанищи. Шамхальцы приняли его торжественно и въ знакъ радости стрѣляли изъ ружей. Съ прибытiемъ его туда, сообщенiе Темиръ-Ханъ-Шуры было совершенно прервано, даже съ ближайшими къ пей деревнями. Шамиль увѣрялъ народъ, что Русскихъ почти не существуетъ и что онъ непременно проложитъ себѣ путь въ Мекку. Болѣе 1000 человекъ Шамхальцевъ надѣли бѣлыя мюридскія чалмы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, волненiя обнаружились въ окрѣстностяхъ Дербента, въ Кайтагъ и Табасарани; но Самурскiй округъ, Казикумухъ и Кюринское ханство оставались пока спокойными. Самурскiй округъ не имѣлъ выгодъ передаваться мюридамъ, потому что, безъ нашей помощи, онъ не могъ существовать. Мѣстность его такъ сурова, что ежегодно собираемаго жителями хлѣба едва хватаетъ на три мѣсяца; остальные 9 мѣсяцевъ жители прокармливаютъ себя заработками, для которыхъ отправляются въ Дербентъ, Кубу и преимущественно въ Шемаху. Слѣдовательно, еслибъ жители Самурскаго округа когда нибудь и имѣли попытку намъ измѣнить, они были бы поставлены въ необходимость умереть съ голоду.

Кюринское ханство по условiямъ мѣстности и по направленiю жителей совершенно намъ покорно. Земли ихъ обработанныя, цвѣтущiя, лежатъ почти на плоскости, жители мирны, трудолюбивы и зажиточны, слѣдовательно не захотятъ имѣть дѣло съ мюридами, которые ихъ бы тотчасъ раззорили. Объ нынѣшнемъ Кубинскомъ уѣздѣ и говорить нечего; онъ ничего не имѣетъ общаго съ горами. Ненадежнѣ всѣхъ было Казикумухское ханство; но правительница его, старая ханша, и помощникъ ея Абдурахманъ-бекъ были искренно намъ преданы и понимали свои выгоды, пребывая въ добромъ съ нами согласiи.

Еще тотчасъ же по прибытiи къ Гергебилю, Шамиль послалъ воззванiя въ Кайтагъ, Табасарань, Сюргу и Кубачи; но прокламацiи эти не достигли успѣха и вызвали только нѣсколько разбойничьихъ шаекъ на Дербентскую дорогу. Южная Табасарань оставалась спокойною; Верхняя Табасарань, Кайтагъ и Сюрга хотя и имѣли много безпокойныхъ людей, но волненiя ихъ еще не были такъ опасны. Начальникъ Дербентскаго округа генералъ-майоръ Таракановъ, встревоженный свершающимися событiями, обратился къ князю Аргутинскому, съ просьбою усилить

баталіономъ гарнизонъ въ Дербентѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ перевести гарнизонъ Хазринскаго укрѣпленія въ Ахты или въ Тифлисское укрѣпленіе, гдѣ бы онъ былъ въ большей безопасности, но князь Аргутинскій отвѣчалъ ему на это (отъ 13 ноября) слѣдующее: «Не время еще выводить Хазринскій гарнизонъ въ Ахты или въ Тифлисское укрѣпленіе; опасность отъ насъ еще далека, а эта мѣра встревожила бы преданныхъ намъ жителей по Самуру; въ Дербентъ не могу удѣлить баталіона на томъ основаніи, что пока мой отрядъ еще не разбитъ, ему не угрожаетъ равно никакой опасности, а раздроблять войска считаю вреднымъ».

Къ 10 ноября Самурскій отрядъ постепенно стягивался къ Кумуху; ожидаемыя подкрѣпленія изъ Закавказья могли прибыть туда только въ послѣднихъ числахъ ноября и даже въ началѣ декабря. Князь Аргутинскій доносилъ корпусному командиру отъ 16 ноября: Хотя теперь мнѣ бы и удобнѣе дѣйствовать въ Сѣверный Дагестанъ отъ Самура чрезъ Дербентъ; но какъ уже было сдѣлано распоряженіе о сборѣ отряда къ Кумуху, то не хочу обратнымъ движеніемъ тревожить народъ.»

Таково было положеніе Южнаго Дагестана во время занятія Шамилемъ шамхальства и Мехтулинскихъ владѣній.

Занявъ позицію непосредственно противъ отряда Сѣвернаго Дагестана, удалившагося въ Темиръ-Ханъ-Шуру, зная, что князь Аргутинскій не можетъ поспѣшить къ нему на выручку по случаю возстанія главныхъ обществъ Средняго Дагестана — Акуши и Цудахара, Шамиль пріянялъ всѣ мѣры, чтобы Аварскій отрядъ не могъ выйти на плоскость и для этого приказалъ Хаджи-Мурату, съ найбами Гидатлинскимъ и Карахскимъ, занять позицію для наблюденія за отрядомъ подполковника Пассека.

Не рѣшаясь атаковать Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ онъ могъ встрѣтить энергическое сопротивленіе, Шамиль, какъ мы видѣли, направилъ часть скопищъ на ея сообщеніе съ моремъ. Истребивъ въ Низовомъ укрѣпленіи источникъ всѣхъ жизненныхъ потребностей, онъ надѣялся взять Шуру голодомъ. Генерала Фрейтага Шамиль надѣялся удержать сборами въ Чечнѣ, — но сдѣлалъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, большую ошибку, притянувъ къ себѣ Шуанба-муллу и тѣмъ развязавъ Фрейтагу руки.

Во времена существованія кр. Бурной, въ Низовомъ находились всѣ хозяйственныя заведенія гарнизона. Это мѣсто было обрыто кацавой и обнесено незначительнымъ брустверомъ, безъ

фланговой обороны. Съ увражденіемъ Бурной, гарнизонъ былъ переведенъ *на низъ*; для помѣщенія его устроили довольно обширный форштатъ, который также окопали рвомъ и оградилъ брустверомъ; онъ то и получилъ названіе Низоваго укрѣпленія; а мѣсто прежнихъ хозяйственныхъ заведеній назвали *цитаделью*.

И такъ Низовое состояло изъ двухъ частей: собственно цитадели, гдѣ былъ складъ провіанта, и форштата для помѣщенія гарнизона, состоявшаго изъ женатыхъ солдатъ. Въ форштатѣ, раскинутомъ у подошвы горы, не было возможности защищаться, а потому весь гарнизонъ, при первомъ появленіи непріятеля, перешелъ въ цитадель, брустверъ которой успѣли одѣть колючкой. Въ укрѣпленіи было пять чугунныхъ орудій, изъ коихъ три валялись безъ лафетовъ; но наши солдаты ухитрились помѣстить ихъ на треноги изъ чурбановъ и они кое-какъ дѣйствовали въ продолженіе осады.

Вотъ мѣсто, на которомъ было сложено около 10,000 четвертей муки и которому суждено было съ 300 человекъ гарнизона выдержать восьмидневную осаду противъ шести-тысячной толпы.

Еще 8 ноября непріятель показался на высотахъ близъ Тарковъ, а въ ночь съ 9 на 10 истребилъ караулъ на таркинскомъ рейдѣ (состоявшій изъ 15 человекъ), сжегъ провіантъ и все что было на берегу, уничтожилъ туралинскую ватагу и разграбилъ купеческій транспортъ въ 200 повозокъ. При этомъ принимали дѣятельное участіе жители Тарковъ, измѣна которыхъ воспрепятствовала отправить транспортъ съ провіантомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Штабсъ-капитаны: Его Свѣтлости полка Бибановъ и Кабардинскаго—Болотниковъ, которымъ общій совѣтъ офицеровъ поручилъ защиту укрѣпленія, начали изыскивать средства выдержать продолжительную осаду и убѣдившись, что они не въ силахъ защитить все укрѣпленіе, рѣшились оставить форштатъ и запереться въ цитадели.

11 ноября все имущество перенесли въ цитадель; приказано было всѣ ближайшія къ ней строенія начинить сѣномъ, съ тѣмъ, чтобы вечеромъ, снявъ передовые посты, зажечь форштатъ, поднять мостъ и ожидать нападенія.

Цитадель обнимала не болѣе 200 квадратныхъ сажень и на это пространство было введено лошадей и разнаго рогатаго скота около 1500 головъ, когда уже въ ней находилось около

10,000 четвертей казеннаго провіанта и помѣщалось 856 лицъ (*) разнаго званія, пола и возраста. Чрезвычайная тѣснота поставила въ необходимость выгнать лошадей и рогатый скотъ обратно на форштатъ, но съ условіемъ размѣстить его въ самомъ близкомъ разстояніи отъ цитадели, чтобы ихъ не иначе можно было взять, какъ подъ огнемъ орудій.

10 ноября непріятель въ значительныхъ силахъ обложилъ укрѣпленіе, однако не рѣшился штурмовать, а ограничивался одною ружейною пальбою, не причинившею гарнизону никакого вреда.

11 ноября Акушинскій кадій прислалъ Татарина съ предложеніемъ о сдачѣ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ высмотрѣть силы гарнизона и принятыя средства къ оборонѣ.

Штабсъ-капитанъ Бибановъ посадилъ посланнаго подъ арестъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ передовымъ постамъ зажечь форштатъ и отступить какъ можно поспѣшнѣе.

Пламя объяснило атаковавшимъ намѣреніе гарнизона; они бросились толпами искать добычи на форштатѣ и подстрекаемые жадностію, подбѣгали къ самому рву цитадели, за что многіе изъ нихъ поплатились жизнію.

За часъ до разсвѣта стрѣльба изъ ружей умолкла и только отдаленный крикъ мюридовъ показывалъ, что они дѣлаютъ богатую добычу; имъ достались въ руки весь скотъ и всѣ лошади, находившіяся внѣ цитадели.

12-го на разсвѣтѣ непріятель сталъ сходиться на форштатѣ и устраивать тамъ завалы и батареи; въ этихъ работахъ прошли весь день и вся послѣдующая ночь.

13-го передъ вечеромъ, мюриды, пользуясь сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, зажгли колючку, окружающую форштатъ и связывавшеюся съ колючкою бруствера цитадели. Порывы вѣтра разносили огонь по разнымъ направленіямъ и густой дымъ объялъ половину цитадели, которая, имѣя узкой и не глубокой ровъ, легко бы была взята непріятелемъ, еслибъ лишилась своей колючки. Обстоятельство это могло сдѣлаться гибельнымъ для гарнизона, а потому Бибановъ послалъ 10 человекъ охотниковъ, которые, спустившись въ ровъ, перерубили колючку шагахъ въ

(*) Тамъ помѣстилось: 11 офицеровъ, 551 солдатъ, 3 купца, 42 могокана, 45 черводаровъ, 128 женщинъ и 76 дѣтей.

15 отъ цитадели, выбросили ее за контръ-эскарпъ, а вырубленное мѣсто залили водою.

Непріятель, замѣтивъ, что огонь уже приближался къ укрѣпленію и полагая гарнизонъ его занятымъ тушеніемъ пожара, бросился въ большихъ массахъ на приступъ съ четырехъ сторонъ; но былъ отбитъ на всѣхъ фасахъ съ значительнымъ для себя урономъ.

Съ 13 по 19 ноября огонь не умолкалъ ни съ той, ни съ другой стороны. Чтобы нѣсколько прикрыть себя отъ выстрѣловъ, гарнизонъ обложилъ крону бруствера кулями въ два ряда. Съ своей стороны непріятель дѣлалъ апроши изъ дровъ и пробивъ амбразуру въ оставленной на форштатѣ церкви, отстоящей отъ рва цитадели на 30 сажень, ввезъ туда орудіе, а другое расположилъ не далеко отъ этого мѣста. При этой осадѣ непріятель, съ обыкновенною своею находчивостью, пользовался имѣющимися подъ руками его средствами: устроилъ мантелеты, подъ прикрытіемъ которыхъ стрѣлки подползали на самое близкое разстояніе къ укрѣпленію, а часть параллелей, или нѣчто въ родѣ этого, была составлена изъ телегъ молуканскихъ и солдатскихъ, снятыхъ съ колесъ.

17 ноября Акушинцы, подкрѣпленные тысячею мюридовъ, вмѣсто обычнаго своего гика, съ крикомъ *ура!* бросились на штурмъ, но вновь были отбиты съ болѣею для себя потерею. Доказательствомъ дерзкой ихъ атаки служило нѣсколько тѣлъ, оставленныхъ на самомъ краю контръ-эскарпа.

17 же ноября нѣсколько нижнихъ чиновъ рѣшились совершить подвигъ истиннаго самоотверженія. Три унтеръ-офицера и двое рядовыхъ (*) убѣдительно просили дозволенія у штабъ-капитана Бибанова подползти съ разныхъ мѣстъ къ непріятельскому завалу и, подложивъ подъ него мѣшокъ съ порохомъ, зажечь посредствомъ стапина, проведеннаго въ цитадель. Несмотря, однако, на искреннее ихъ желаніе, Бибановъ принужденъ былъ имъ отказать, принявъ во вниманіе, что завалъ находился еще въ 80 шагахъ и, слѣдовательно, это предпріятіе не могло быть совершено съ успѣхомъ.

Въ ночь съ 18 на 19 ноября непріятель подвелъ свои апроши шаговъ на десять отъ рва и укрѣпленіе, вѣроятно, въ скоромъ

(*) Его Свѣтлости полка фельдфебель Грачевъ, унтеръ-офицеры Осиповъ и Лебедчиковъ, рядовой Серажъ и Куринскаго полка Венецкій.

времени взлетѣло бы на воздухъ, потому что гарнизонъ рѣшился умереть, но не слатся.

Въ продолженіе восьми дней гарнизонъ ни на одну минуту не терялъ бодрости; не только воинскіе чины, но все, что было въ укрѣпленіи, принимало участіе въ оборонѣ. Солдаты ни днемъ, ни ночью не отходили отъ валовъ; молуканы также стояли въ рядахъ солдатъ; дѣти дѣлали патроны; женщины перевязывали и смотрѣли за ранеными. Въ послѣдніе дни осады, жены гг. офицеровъ, опасаясь, чтобы укрѣпленіе не пало во время одного изъ приступовъ, почти всѣ отправлялись при каждомъ приступѣ въ пороховой погребу, гдѣ ожидали окончанія рукопашнаго боя и въ случаѣ успѣха непріятеля, хотѣли первыя взорвать укрѣпленіе.

Но провидѣнію суждено было спасти эту горсть защитниковъ Низоваго, гдѣ мужество и самоотверженіе сдѣлались по ровну достояніемъ и мужчинъ и женщинъ. 19-го числа, въ два часа пополудни, раздались выстрѣлы со стороны Озенскаго поста; то былъ герой Кавказа, Робертъ Карловичъ Фрейтагъ, спѣшившій съ Лѣваго крыла на помощь Сѣверному Дагестану. Все горе было забыто и въ каждомъ сохранилось только чувство собственнаго достоинства.

Спаситель Низоваго укрѣпленія, генераль Фрейтагъ, узнавъ о сборѣ Чеченцевъ, выступилъ изъ Куринскаго укрѣпленія для прикрытія нижнихъ кумыкскихъ деревень. Получивъ вслѣдъ за тѣмъ свѣдѣніе объ уходѣ Шуаибъ-муллы въ Дагестанъ и находясь недалеко отъ Сулака, онъ двинулся въ Султанъ-Янгіюртъ, куда и прибылъ 16-го ноября съ 1-мъ и 3-мъ баталіонами Куринскаго полка, своднымъ баталіономъ, составленнымъ изъ ротъ Навагинскаго и Кабардинскаго полковъ, восемью сотнями липейныхъ козаковъ и 11 орудіями. Въ Султанъ-Янгіюртъ присоединился къ нему подполковникъ Евдокимовъ, такъ что у Фрейтага составился отрядъ изъ $4\frac{1}{2}$ баталіоновъ, 1,400 козаковъ и 16 орудій.

Подполковникъ Евдокимовъ, вмѣстѣ съ предписаніемъ объ снятіи Сулакской линіи, получилъ также, какъ мы видѣли, предписаніе освободить конно-вьючный и черводарскій транспорты, задержанные въ Низовомъ укрѣпленіи измѣною Таркинскихъ жителей, и взять ихъ въ Казіюртъ, навьюченные провіантомъ. Транспорты было удобнѣе и даже необходимѣе направить въ это укрѣпленіе, во-первыхъ потому, что путь слѣдованія представлялъ ме-

нѣе опасности, и во-вторыхъ, что войска, собранныя въ Казіюртѣ, болѣе нуждались въ продовольствіи, нежели въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Но подполковникъ Евдокимовъ донесъ, что хотя онъ и получилъ извѣстіе объ измѣнѣ Таркинцевъ, однако, не могъ въ то время двинуться къ Низовому укрѣпленію, по причинѣ сильнаго волненія жителей Султанъ-Янгіюрта, откуда не успѣлъ еще перевезти въ Казіюртѣ даже и больныхъ.

По сосредоточеніи же 12-го ноября всѣхъ силъ въ Казіюртѣ, подполковникъ Евдокимовъ двинулся 13 ноября къ Низовому укрѣпленію. На дорогѣ лазутчикъ доставилъ ему извѣстіе, что весь транспортъ взятъ и осталось одно малое укрѣпленіе съ гарнизономъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Озенскій постовой начальникъ донесъ, что непріятель овладѣлъ уже укрѣпленіемъ. Въ Шамхаль-Янгіюртѣ онъ самъ видѣлъ дымъ къ сторонѣ Тарковъ и въ тоже время дали ему знать о прибытіи партіи Салатавскаго наиба Шамхарданъ-Хаджи въ Султанъ-Янгіюртѣ, гдѣ ожидали и Шуапъ-мулла съ Чеченцами. Последнія полученныя свѣдѣнія заставили подполковника Евдокимова опасаться за Казіюртѣ, куда онъ и возвратился 13-го же ноября, сдѣлавъ прежде распоряженіе о снятіи Озенскаго поста, гарнизонъ котораго и присоединился къ нему благополучно. Чугунное орудіе, тамъ находившееся, оставлено по той причинѣ, что сильная грязь не дозволила везти его на повозкѣ.

Возвратясь въ Казіюртѣ, подполковникъ Евдокимовъ занялся первоначально обезпеченіемъ отряда фуражемъ и продовольствіемъ, а 16-го ноября двинулся въ Султанъ-Янгіюртѣ для наказанія жителей за приглашеніе непріятеля. Въ этой деревнѣ его засталъ генералъ-маіоръ Фрейтагъ, подъ начальство котораго онъ и поступилъ съ своимъ отрядомъ.

Не допуская предположенія, чтобы Шамиль отважился штурмовать Темиръ-Ханъ-Шуру, а вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь за Кумыкскія владѣнія, которыя, за отсутствіемъ войскъ, могли взволновать 100 человекъ мюридовъ, генералъ-маіоръ Фрейтагъ счелъ невозможнымъ, удалиться на долгое время со всѣми силами от Сулака, но только предполагалъ двинуться къ Міатламъ, чтобы уничтожить блокгаузъ, если онъ не можетъ сопротивляться дѣйствию орудій, а гарнизонъ присоединить къ отряду полковника Евдокимова. Но получивъ свѣдѣніе 18-го ноября, что Низовое укрѣпленіе еще защищается, онъ отложилъ намѣреніе идти къ

Міатлинскому блокгаузу и рѣшился двинуться къ Низовому, чтобы спасти гарнизонъ.

Оставивъ 2 баталіона и 10 орудій подъ начальствомъ полковника Козловскаго въ Султанъ-Янгіюртѣ, для прикрытія Кумыкскихъ владѣній, генераль-маіоръ Фрейтагъ, съ 11 ротами, всею кавалерію, 1,400 человекъ, и 6 орудіями, направился 18-го же ноября къ Озенскому посту. По прибытіи на этотъ постъ, гдѣ отрядъ успѣлъ захватить 1,300 штукъ рогатаго скота, принадлежавшаго Шамхальцамъ, была услышана сильная канонада со стороны Низоваго укрѣпленія. Заклучивъ изъ этого, что гарнизонъ еще сопротивлялся, генераль Фрейтагъ двинулся къ нему на помощь 19-го ноября, отправивъ отбитый скоть въ Казіюртъ, подъ прикрытіемъ 200 донскихъ козаковъ.

Подходя къ высотѣ, на которой былъ расположенъ лагерь Петра Великаго, генераль Фрейтагъ послалъ для занятія ея летучую команду изъ 60 козаковъ. Командовавшій этими козаками донесъ, что въ Низовомъ производится сильная канонада, и что непріятель также стрѣляетъ по укрѣпленію изъ орудій.

Выдвинувъ всю кавалерію на гору, генераль Фрейтагъ сдѣлалъ три сигнальныхъ выстрѣла, чтобы дать знать гарнизону о приближеніи помощи. Вскорѣ послѣ того, непріятель огромными толпами, обратился на отрядъ. Когда вся подгорная дорога покрылась горцами, было сдѣлано еще нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій; въ это же время подошла наша пѣхота. Генераль-маіоръ Фрейтагъ желалъ отвлечь непріятеля отъ горъ и потому приказалъ пѣхотѣ выстроиться влѣво отъ кавалеріи, но непріятель, боясь послѣдней, не оставлялъ своей позиціи. Тогда онъ приказалъ всей кавалеріи перейти на лѣвый флангъ пѣхоты, оставивъ на правомъ флангѣ одну летучую команду. Горцы, повидимому, обрадовались удаленію кавалеріи и съ необыкновенною дерзостію подбѣгали къ горсти козаковъ, оставленныхъ на правомъ флангѣ; когда же послѣдніе начали понемпогу отступать къ пѣхотѣ, то это еще болѣе ободрило непріятеля. Для поддержанія ихъ былъ посланъ полковникъ Волоцкій съ тремя сотнями линейныхъ козаковъ.

Между тѣмъ, по всей линіи производилась сильная и удачная канонада, однако непріятель непоколебался, и значки его дерзко подскакивали къ отряду.

Замѣтивъ, что полковникъ Волоцкой уже выстроился на правомъ флангѣ, генераль Фрейтагъ приказалъ всѣмъ линейнымъ

козакамъ броситься въ атаку, поддерживавъ ихъ тремя конными орудіями, подъ прикрытіемъ донскаго № 52 полка. Полковникъ Волоцкій, видя, что главная часть козаковъ была направлена во флангъ напріятеля, съ своей стороны атаковалъ его съ фронта. Атака была произведена такъ неожиданно и съ такою стремительностію, что непріятель принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Въ одну минуту на равнинѣ не осталось ни одного челоука, кромѣ 70 изрубленныхъ труповъ и трехъ значковъ. Непріятель бѣжалъ въ большомъ безпорядкѣ, вездѣ не останавливаясь, и бѣжалъ цѣлую ночь. Трудно повѣрить, чтобы такой полный успѣхъ могъ быть пріобрѣтенъ съ такою ничтожною потерю съ нашей стороны: всего 6 челоука раненыхъ и изъ нихъ одинъ оберъ-офицеръ.

По окончаніи дѣла, генералъ Фрейтагъ направился къ Низовому, и приблизясь къ этому укрѣпленію, увидѣлъ, что непріятель съ поспѣшностію выбирался изъ Тарковъ: вся гора усѣяна была толпами горцевъ.

Осмотрѣвъ Низовое, Фрейтагъ былъ изумленъ мужественною защитою гарнизона, и съ трудомъ отдавалъ себѣ отчетъ, какимъ образомъ люди могли удерживаться въ подобномъ укрѣпленіи, и упорно сопротивляться несравненно многочисленнѣйшему непріятелю, въ продолженіе 8 дней.

Гарнизонъ былъ спасенъ; оставалось разрѣшить вопросъ: что должно было дѣлать съ Низовымъ укрѣпленіемъ?

Предоставить дальнѣйшую защиту этого укрѣпленія гарнизону, Фрейтагъ счелъ невозможнымъ; усилить его, значило увеличить число жертвъ, которыя должны были бы тамъ неминуемо погибнуть; расположиться близъ Низоваго укрѣпленія лагеремъ со всѣмъ отрядомъ, онъ счелъ также невозможнымъ, потому что чрезъ это открылъ бы совершенно Кумыкскія владѣнія и Кизляръ, гдѣ почти вовсе не было войскъ. Эти соображенія заставили его очистить Низовое укрѣпленіе, сжечь находившійся въ немъ провіантъ (около 10,000 четвертей), и заклепать всѣ орудія. Порохъ же и снаряды онъ перевезъ въ Казіюртъ, куда и самъ прибылъ 21-го ноября.

Въ Казіюртѣ, онъ имѣлъ намѣреніе дать одно-дневный отдыхъ войскамъ, а потомъ отправиться 23-го ноября въ Амиръ-Аджи-юртъ, гдѣ хотѣлъ выждать прибытія маршевыхъ баталіоновъ и другихъ подкрѣпленій. Сформировавъ тамъ болѣе сильный отрядъ, достаточный для пріобрѣтенія положительныхъ ре-

зультатовъ, двинуться тогда въ Темиръ-Ханъ-Шуру, на соединеніе съ Дагестанскимъ отрядомъ.

Уже войска готовились къ выступленію изъ Казіюрта, какъ донесеніе полковника Козловскаго, что въ Міатлахъ (*) слышны частые пушечные выстрѣлы, заставило Фрейтага немедленно направить къ Міатламъ всю кавалерію и два баталіона пѣхоты, при четырехъ орудіяхъ, подъ командою полковника Волопкаго.

Полковникъ Козловскій, 22-го ноября, подходя къ Міатлинскому блокгаузу, открылъ толпы непріятельскія, окружавшія, подъ предводительствомъ Шахмарданъ-Хаджи, это укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ. Не теряя времени, онъ устроилъ войска и атаковалъ мюридовъ съ фронта; а воинскій начальникъ осажденнаго укрѣпленія, замѣтивъ въ рядахъ ихъ разстройство, напалъ на нихъ съ тылу. Атака эта увѣнчалась успѣхомъ; горцы разсѣялись по оврагамъ и были преслѣдованы 3 версты вверхъ по Сулаку.

Тогда, осмотрѣвъ укрѣпленіе, полковникъ Козловскій нашелъ, что оно, будучи предоставлено собственной защитѣ, не въ состояніи долго держаться противъ непріятели.

Укрѣпленіе Міатлинское состояло изъ двухъ деревянныхъ башенъ, построенныхъ по обѣимъ сторонамъ Сулака, для обезпеченія паромной переправы чрезъ эту рѣку. Недалеко отъ башни, лежавшей на правомъ берегу, находился небольшой земляной редутикъ, слабой профили, имѣвшій назначеніе доставлять башнямъ фланговую оборону. Позади этихъ построекъ, на высотѣ, въ видѣ редюнта, устроенъ былъ деревянный блокгаузъ, обнесенный каменною стѣнкою, съ верхомъ изъ саманнаго кирпича. Блокгаузъ вооруженъ былъ двумя легкими орудіями.

Башня, построенная на лѣвомъ берегу Сулака, еще за нѣсколько дней предъ приходомъ полковника Козловскаго, была оставлена гарнизономъ и сожжена непріятеlemъ.

Гарнизонъ защищался въ земляномъ редутикѣ, въ башнѣ, находившейся на правомъ берегу и въ деревянномъ блокгаузѣ. Верхніе этажи въ послѣднихъ двухъ постройкахъ были сильно повреждены дѣйствіемъ непріятельскаго орудія.

(*) Полковникъ Козловскій самъ двинулся въ Міатлы съ 6-ю ротами, при 5 орудіяхъ; а въ Султанъ-Янгіюртѣ были имъ оставлены для прикрытія жестей двѣ роты.

Неприятель имѣлъ на своей сторонѣ выгоды мѣстности, дававшей ему возможность безнаказанно наносить вредъ пушечными выстрѣлами укрѣпленію и недопускать людей къ водѣ.

Всѣ эти причины заставили полковника Козловскаго очистить Мятлинское укрѣпленіе и вывести оттуда гарнизонъ. Стрѣныя были сожжены, но паромы спущены внизъ по Сулаку, однако, по мелководію, остановились въ недалекомъ разстояніи отъ переправы, и тамъ оставлены.

23-го ноября, на разсвѣтъ, прибылъ къ Мятламъ со всею кавалеріею и двумя конными орудіями полковникъ Волоцкой. Пѣхоту же, при двухъ орудіяхъ, утомленную въ предшествовавшіе дни непрерывными переходами, онъ рѣшился остановить въ Султанъ-Янгіюртѣ. Огни неприятельскіе видѣлись еще по обѣимъ сторонамъ Сулака.

Опасаясь, чтобы горцы, при отступленіи, пользуясь пересѣченною мѣстностію, не напали на арріергардъ, полковникъ Волоцкой рѣшился опрокинуть ихъ далѣе въ горы. Оставивъ на правомъ берегу одинъ баталіонъ съ большею частію кавалеріи, и переправивъ на лѣвый берегъ три роты и три сотни козаковъ, при двухъ орудіяхъ, онъ атаковалъ неприятеля съ двухъ сторонъ. Горцы не могли выдержать сильнаго натиска и обратились въ бѣгство по дорогѣ къ Дылыму, оставивъ на мѣстѣ шесть изрубленныхъ тѣлъ.

Наступившій вечеръ заставилъ прекратить преслѣдованіе и войска возвратились въ лагерь, не бывъ тревожимы неприятелемъ.

Въ дѣлахъ 22-го и 23-го ноября съ нашей стороны: убито 3 рядовыхъ; ранено: 1 офицеръ и 6 нижнихъ чиновъ.

24-го ноября войска благополучно возвратились въ Султанъ-Янгіюртъ, очистивъ Мятлинское укрѣпленіе и взявъ съ собою всѣ орудія и военные припасы.

Генералъ Фрейтагъ, отправляясь 26-го ноября изъ Казіюрта въ Амиръ-Аджи-Юртъ, чтобы поспѣшить формированіемъ баталіоновъ изъ рекрутъ, ожидаемыхъ изъ Тагаирога, оставилъ на плоскости, для прикрытія Кумыкскихъ владѣній и сообщенія съ Кизляромъ, два отряда: въ Султанъ-Янгіюртѣ—два баталіона, 3 сотни козаковъ и 4 орудія; а въ Казіюртѣ—5 дѣйствующихъ ротъ, Грузинскій линейный № 12-го баталіонъ, четыре сотни козаковъ и 6 орудій. Остальныя войска, бывшія съ нимъ на правомъ берегу Сулака, возвратились на лѣвый флангъ.

Генералъ-маіоръ Фрейтагъ надѣялся скоро сформировать отрядъ въ Амиръ-Аджи-Юртъ, куда онъ ожидалъ также баталіоновъ, направленныхъ съ праваго фланга Кавказской линіи, и къ 10-му декабря имѣлъ намѣреніе прибыть въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Съ очищеніемъ Сулакской линіи, Низоваго и Міатлинскаго блокгауза, на плоскости оставались только три укрѣпленія: Казіюртъ, Евгениевское и Темиръ-Ханъ-Шура.

Неожиданные успѣхи непріятеля, дерзость и настойчивость его въ дѣйствіяхъ заставляли опасаться за самую Темиръ-Ханъ-Шуру, съ паденіемъ которой уничтожалось наше владычество въ Дагестанѣ. Обстоятельства эти понудили генералъ-лейтенанта Гурко, тотчасъ же по возвращеніи туда съ урочища Гаржаса, озаботиться приведеніемъ ея въ лучшее оборонительное положеніе. Велѣно было немедленно углубить ровъ, исправить батареи и брустверь, употребляя для этого матеріалъ, заготовленный для штабъ-квартиры Апшеронскаго полка, или для Темиръ-Ханъ-Шуринаскаго госпиталя. Сосредоточенныя въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ войска были распределены по фасадамъ укрѣпленія и расположились на бивуакахъ. Сверхъ того, казеннымъ деньщикамъ, госпитальной прислугѣ, больнымъ, состоявшимъ на первой порціи, и прочимъ частнымъ лицамъ были розданы ружья отъ Апшеронскаго полка. По повѣркѣ оказалось способныхъ защищаться за стѣнами укрѣпленія 4,000, а способныхъ дѣйствовать на открытомъ полѣ только 2,500 человекъ.

Болѣе всего тревожила генерала Гурко неизвѣстность о положеніи аварскаго отряда. Наконецъ 14-го ноября получилось донесеніе отъ подполковника Пассека, въ которомъ онъ говорилъ, что хотя ему и было доставлено лазутчиками предвѣсаніе отъ 8-го ноября очистить Хунзахъ, но какъ селенія Танусъ и Ирганай были уже заняты непріятелемъ, то и невозможно было исполнить приказанія и отрядъ по необходимости долженъ былъ оставаться для защиты вѣременнаго ему поста.

Кромѣ мѣстныхъ препятствій и непріятеля, занявшаго два пункта на сообщеніяхъ Аварскаго отряда съ Темиръ-Ханъ-Шурою, подполковникъ Пассекъ не находилъ возможности очистить Хунзахъ по слѣдующей причинѣ: еще 7-го ноября получивъ увѣдомленіе о взятіи Гергебиля и измѣнѣ Акуши, Цудахара и Мехтулы, отрядъ готовился ночью удалиться изъ Аварин; но едва только приступили къ предварительнымъ по этому пригото-

вленіямъ, какъ весь аулъ былъ на ногахъ, и жители готовились приняться за ножи не отъ измѣны, но за оставленіе ихъ на произволъ судьбы.

Чтобъ облегчить выходъ войскамъ изъ Хунзаха, генералъ Гурко признавалъ необходимымъ двинуться на встрѣчу къ нимъ въ Ирганай; но съ 3,000 человекъ, и имѣя противъ себя почти все народонаселеніе Сѣвернаго и Средняго Дагестана, онъ не только не могъ подать помощи Аварскому отряду, но даже идти, не подвергнувъ явной опасности Темиръ-Ханъ-Шуру, и на освобожденіе Низоваго.

Дѣйствительно, Темиръ-Ханъ-Шура доступна съ трехъ сторонъ, линія огня ея простиралась на $3\frac{1}{4}$ версты, а укрѣпленія ея, какъ мы видѣли, были весьма слабы; между тѣмъ, въ ней находилось значительное количество провіанта и всякаго рода запасовъ, сверхъ того 1,000 больныхъ и до 1,000 человекъ христіанскаго населенія, принадлежавшаго преимущественно къ торговому и ремесленному сословіямъ. Непріятель окружилъ ее со всѣхъ сторонъ, и повидимому только ждалъ ухода отряда, чтобъ атаковать ее.

Въ такихъ обстоятельствахъ, командуя войсками Кавказской линіи, рассчитывая, что только присоединеніе Аварскаго отряда дастъ ему возможность перейти къ рѣшительнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ, послалъ вторично предписаніе подполковнику Пассеку воспѣшить очищеніемъ Аваріи, тѣмъ болѣе, что прибытіе Хаджи-Мурата въ шамхальство дозволяло Аварскому отряду безъ труда миновать Арактау и Балаканское ущелье. О томъ, что было предпринято подполковникомъ Пассекомъ, вслѣдствіе этого предписанія, мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь займемся Темиръ-Ханъ-Шурою.

Непріятель расположился по окрестнымъ селеніямъ: главные силы и самъ Шамиль по прежнему оставались въ селеніи Боль. Казанищахъ; партіи его занимали Малыя Казанища, Буглень, Муселимъ-ауль, Кафыръ-Кумыхъ и другіе; 12-го ноября въ Боль. Казанищи были доставлены 5 орудій; 14-го числа прибылъ туда Шуаубъ-Мулла съ конными Чеченцами и тѣмъ дозволилъ, какъ мы видѣли, генералу Фрейтагу спасти Низовое. Силы Шамиля постепенно возрастали и онъ былъ властелиномъ всѣхъ обществъ, составляющихъ Сѣверный и Нагорный Дагестанъ, исключая Чиркея и Зубута, а потому Шамиль, тотчасъ же по прибытіи въ Казанищи, обратилъ вниманіе на эти аулы и

старался привлечь ихъ на свою сторону. Старанія его достигли своей цѣли.

Еще 11-го ноября получено свѣдѣніе въ Темиръ-Ханъ-Шуръ о волненіи Чиркеевцевъ и Зубутовцевъ. Для уменьшенія числа жертвъ, немедленно было предписано воинскому начальнику Евгеніевскаго укрѣпленія, полковнику Блажіевскому, вывести гарнизоны изъ Зубутовскихъ башенъ и Чиркеевского замка, которымъ вода доставлялась жителями, а равно очистить всѣ башни, устроенныя выше Чиркея по Сулаку.

Полковникъ Блажіевскій, до полученія этого предписанія, вызвалъ къ себѣ 11-го ноября старшинъ и почетныхъ жителей Чиркея и Зубута, чтобъ узнать отъ нихъ расположеніе умовъ жителей обоихъ селеній.

Старшины: Зубутовскій, капитанъ Даци, Чиркеевскій, прапорщикъ Джамаль, кадій Таймазъ-ханъ и всѣ собранные старики подтвердили присягою вѣрность свою русскому правительству и обѣщали не впускать къ себѣ мюридовъ, пока Темиръ-Ханъ-Шура будетъ существовать.

Капитанъ Даци, почтенный старикъ, искренно преданный Русскимъ и личный врагъ Шамиля, на возвратномъ пути въ Зубутъ былъ измѣннически убитъ. Смерть его развязала руки Зубутовцамъ, и 12-го ноября они возстали.

Офицеръ, завѣдывавшій зубутовскими башнями, отправилъ полковнику Блажіевскому донесеніе объ убіеніи капитана Даци съ пятью рядовыми. Зубутовцы открыли первыя свои непріязненные дѣйствія нападеніемъ на эту команду; одинъ изъ посланныхъ былъ убитъ, а остальные, пользуясь пересѣченною мѣстностію, успѣли достигнуть Евгеніевскаго укрѣпленія.

Полковникъ Блажіевскій, вмѣстѣ съ предписаніемъ очистить Чиркеевскій замокъ, получилъ и извѣстіе о возстаніи Зубутовцевъ. Вслѣдствіе этого, онъ, 12-го же ноября, отправилъ маіора Быкова, съ командою въ 70 человекъ, снять гарнизоны съ зубутовскихъ башенъ и перевезти оттуда въ Евгеніевское укрѣпленіе орудія, крѣпостныя ружья и запасы. Но распоряженіе это не могло быть исполнено: маіоръ Быковъ, достигнувъ мостовой башни, построенной на правомъ берегу Сулака, имѣлъ намѣреніе войти въ селеніе, какъ Зубутовцы встрѣтили его частымъ огнемъ. Видя полное возстаніе жителей, Быковъ рѣшился отступить, взявъ съ собою гарнизонъ мостовой башни и находившіяся въ ней 10-ти фунтовую мортиру, крѣпостное ружье, заряды

и патроны. При обратномъ движеніи по чрезвычайно трудному подъему, онъ былъ сильно преслѣдуемъ жителями и замѣтивъ, что они старались отрѣзать ему отступленіе, рѣшился бросить орудіе и всѣ тяжести, замедлявшія слѣдованіе команды, и возвратился въ Евгеніевское укрѣпленіе, съ потерю 8 убитыхъ и 7 раненыхъ. Гарнизоны же остальныхъ двухъ зубутовскихъ башенъ, построенныхъ на лѣвомъ берегу Сулака, послѣ двухдневнаго сопротивленія были взяты жителями. Во власти Зубутовцевъ остались: 27 нижнихъ чиновъ, при 1 оберъ-офицерѣ, 3-хъ фунтовый единорогъ, 10-ти фунтовая мортира и четыре крѣпостныхъ ружья. Въ этомъ случаѣ Зубутовцы въ высшей степени поступили безчестно, тѣмъ болѣе, что они сами съ октября 1842 года убѣдительно просили построить у нихъ эти башни.

Не смотря на происшествія въ Зубутѣ, Чиркеевцы пока оставались спокойными; но полковникъ Блажіевскій, основываясь на данномъ ему предписаніи, сдѣлалъ распоряженіе для снятія гарнизона и орудій съ Чиркеевскаго замка.

Для этого онъ вызвалъ къ себѣ Джамала, Даци, сына Чиркеевскаго кадія Таймаръ-хана и другихъ почетныхъ жителей и задержалъ ихъ въ Евгеніевскѣ, а между тѣмъ послалъ въ Чиркей 100 человекъ съ поручикомъ Свентицкимъ для снятія гарнизона. Поручикъ Свентицкій, несмотря на непріязненные движенія жителей, благополучно исполнилъ возложенное на него порученіе.

По очищеніи Чиркеевскаго замка, Блажіевскій, опасаясь за отдѣльные посты и желая сосредоточить силы, снялъ 15-го ноября гарнизоны со всѣхъ башенъ, кромѣ ближайшей, такъ называемой Теміръ-Ханъ-Шуринской.

До 24-го ноября Чиркеевцы не открывали непріязненныхъ дѣйствій противъ гарнизона Евгеніевскаго, но въ этотъ день напали на команду, возвращавшуюся съ баталіоннаго покоса. Сто человекъ Чиркеевцевъ, занявъ глубокую балку не вдалекѣ отъ укрѣпленія, преградили командѣ путь къ отступленію; но по приближеніи посланныхъ въ помощь ей изъ укрѣпленія 50 человекъ, Чиркеевцы поспѣшно скрылись. У насъ былъ убитъ одинъ рядовой.

Изъ всѣхъ Чиркеевцевъ не измѣнилъ намъ одинъ, подпоручикъ Біакай, который оставилъ свое семейство, родныхъ и имущество, и только съ однимъ сыномъ перешелъ въ Евгеніевское укрѣпленіе. Что было причиною его вѣрности, истинная

ли преданность къ намъ, или боязнь остаться съ Чиркеевцами, которые его ненавидѣли за быстрое возвышеніе?

Какъ только получилось въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ извѣстіе объ открытомъ возстаніи Чиркеевцевъ, тотчасъ же было предписано полковнику Блажіевскому бомбардировать ауль. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправили къ Чиркеевцамъ письмо, въ которомъ имъ напоминалось объ ожидающей ихъ участи по усилеціи нашихъ войскъ; но на это письмо они отвѣчали дерзко и съ угрозами.

По измѣнѣ Чиркея и Зубута, въ рукахъ Шамиля сосредоточился весь Сѣверный и Нагорный Дагестанъ. То была минута, въ которую власть его достигла своего апогея, потому что не было ни одной деревни, которая не изъявляла бы ему своей покорности и не раболопствовала бы передъ нимъ. Теперь онъ легко могъ выставить болѣе 30,000 вооруженныхъ со всѣхъ обществъ, признававшихъ власть его; однакожь, несмотря на эти огромныя средства, конхъ не имѣлъ до него не одинъ изъ владыкъ Дагестана, онъ не рѣшался штурмовать Темиръ-Ханъ-Шуру, сознавая всю трудность подобнаго предпріятія. Такимъ образомъ, цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ тягостномъ бездѣйствіи и время это наполнилось мелкими сшибками нашихъ командъ съ шамилевскими панбами.

16-го ноября выступилъ Аварскій отрядъ изъ Хунзаха. Узнавъ о его движеніи на плоскость, Шамиль тотчасъ же отрядилъ скопище Хаджи-Мурата для занятія Ирганая и проходовъ по Койсубулинскому хребту. 17-го ноября Хаджи-Муратъ окружилъ Бурундукъ-кальскую башню, которая, не имѣя никакихъ средствъ къ сопротивленію, сдалась безъ выстрѣла. Вслѣдъ за симъ, Хаджи-Муратъ раскидалъ Фезевскую насыпь и тѣмъ отнялъ всякую возможность у подполковника Пассека выйти на плоскость, а самъ отправился въ Ирганай, куда по его призыву спѣшили къ нему жители Эрпелей, Ишкартовъ и Карапая.

16-го и 17-го ноября въ Муселимъ-ауль, по приказанію Шамиля, свозили хворость. Произведенная туда 18-го числа рекогносцировка со всею конницею, поддержанной баталіономъ, убѣдила въ дѣйствительности этого свѣдѣнія. Непріятель плелъ туры и вязалъ фашины, а это заставляло предполагать, что онъ намѣревался въ скорости приступить къ правильной осадѣ.

17-го числа наши конные пикеты, расположенные къ сторонѣ Кафыръ-Кумыка, были атакованы непріятельскою конницею. По тревогѣ выѣхали изъ Темиръ-Ханъ-Шуры козаки и шам-

халь съ нукерами; послѣ 3 часовой перестрѣлки они успѣли отъснять мюридовъ.

Чтобъ еще болѣе обезпечить Темиръ-Ханъ-Шуру, въ случаѣ попытки непріятеля дѣйствовать противъ нее открытою силою, приступлено было къ обнесенію ея съ трехъ (доступныхъ) сторонъ волчьими ямами. Въ тоже время брустверь продолжали исправлять и одѣвали его колючкою, а ближайшія къ нему строения были разобраны, и такимъ образомъ образовались плацдармы; внутри укрѣпленія, въ разныхъ мѣстахъ, устраивались редуты, преимущественно изъ обывательскихъ строеній: Гарнизонъ, не смотря на холодное время, продолжалъ бивакировать и несъ тягостную службу свою съ рѣдкимъ усердіемъ.

21 ноября 300 Чеченцевъ появились вблизи озера Акъ-Куль съ намѣреніемъ снять наши пикеты. Но высланные противъ нихъ козаки, поддержанные тремя ротами, при двухъ орудіяхъ, и волонтеры изъ Темиръ-Ханъ-Шуринскихъ торговцевъ, опрокинули непріятеля. При этомъ у насъ было ранено 1 артиллеристъ, 2 козака и 5 волонтеровъ.

Тѣмъ временемъ Шамиль, придерживаясь своей системы, занимался переселеніемъ жителей Муселимъ-аула въ Боль. Казаници, Кафыръ-Кумыка и Халимбекъ-аула въ Эрпелп, а Шамхаль-Янгіюрта, Кумтеркале и Тарковъ въ Каранай и Ишкарты. По его приказанію были сожжены Чиръ-Юртъ, Султанъ-Янгіюртъ, Шамхаль-Янгіюртъ, Тарки, Кумтеркале и Капчугай. Такимъ образомъ, онъ группировалъ жителей шамхальства въ пунктахъ, прилегающихъ къ границамъ Нагорнаго Дагестана, и изъ нихъ были избраны тѣ, которые когда нибудь обнаруживали наклонность къ мюридизму, какъ наприимѣръ, Большіе Казаници и Каранай.

Все имущество шамхала Тарковского, генераль-маіора Абу-Муселимъ-хана, захваченное имъ въ Казанищахъ, болѣе, чѣмъ на 300 эшакахъ, было отправлено въ Дарго, а шамхаломъ назначенъ братъ его Магометь-бекъ, почти глухо-нѣмой. Это Шамиль дѣлалъ съ тѣмъ, чтобы показать народу, что онъ уважаетъ законную власть; въ сущности же, въ шамхалы былъ избранъ чловѣкъ, по бездарности своей не могшій быть опаснымъ намѣреніемъ хитраго имама.

Между тѣмъ Чиркеевцы, не смотря на бомбардировку ихъ селенія, не унимались. 27 ноября они собрались въ значительныхъ массахъ къ Чиркеевскому мосту, и найдя его разобран-

ныиъ, перебросили кладки чрезъ Сулакъ и сожгли до основанія оставленную мостовую башню. Бомбардированіе ихъ не утратило: они вывели только свои семейства въ горы и устроили завалы въ сагахъ и на правомъ берегу Сулака, дабы не допускать людей къ водѣ.

Начиная съ 28-го ноября по 3-е декабря, Чиркеевцы, въ соединеніи съ мюридами другихъ обществъ, ежедневно показывались на высотахъ, окружающихъ укрѣпленіе, и дѣйствовали изъ орудія (3-хъ фунтоваго единорога). Но огонь нашихъ орудій постоянно разсѣивалъ ихъ толпы и заставлялъ отступать къ Зубуту, потому что въ Чиркей, по причинѣ сильнаго бомбардированія, они не смѣли входить. Особенно непріятель понесъ значительную потерю 1-го декабря: вечеромъ этого числа показались партіи изъ конныхъ и пѣшихъ до 3,000 человекъ и заняли сады и прибрежные завалы по лѣвой сторонѣ Сулака. Полковникъ Блажіевскій приказалъ еще днемъ навести орудія и мортпры, а въ два часа ночи открылъ сильную канонаду. Неожиданные и удачно направленные выстрѣлы мгновенно обратили непріятеля въ бѣгство съ значительнымъ для него урономъ.

Съ 3-го декабря не происходило ничего особеннаго, исключая незначительныхъ перестрѣлокъ и постояннаго бомбардированія аула; Чиркеевцы, не имѣя въ селеніи безопаснаго пріюта, перестали занимать завалы по берегу Сулака и доступъ къ водѣ для гарнизона Евгеніевскаго укрѣпленія сдѣлался свободнѣе.

Общее бездѣйствіе непріятеля на плоскости произвело благопріятное впечатлѣніе на наши войска и дало имъ средство оправиться и съ большею надеждою ожидать счастливаго исхода обстоятельствъ. Шамиль, блокируя Темиръ-Ханъ-Шуру, вѣроятно полагалъ довести заключенныя въ ней войска до крайности, но ошибся въ расчетѣ: бездѣйствіе его произвело на нижнихъ чиновъ благопріятное впечатлѣніе; несмотря на бивуачную жизнь, несмотря на морозы, доходившіе до 15°, не смотря на всѣ лишения и труды, войска сдѣлались болѣе бодрыми и еще болѣе увѣрились въ своихъ силахъ. Сообщаемымъ имъ Шамхальцами свѣденіямъ о намѣреніи Шамиля атаковать Темиръ-Ханъ-Шуру, они наконецъ не давали вѣры, особенно когда всѣ работы по усиленію обороны укрѣпленія были окончены и когда слѣдовательно представлялась возможность оказать еще большее сопротивление. На лицахъ ихъ выражались бодрость, веселость и

желаніе помѣряться силами съ непріателемъ. Во время всей блокады не было бѣжавшихъ.

Сколько бездѣйствіе Шамиля имѣло благоприятное вліяніе на наши войска, столько же оно раздражало мюридовъ. Они явно обнаруживали противъ него неудовольствіе, за то, что онъ, удерживая ихъ такъ долго въ сборѣ, не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Шамхальцы громко ронтали на притѣсненія мюридовъ, которые, раззоривъ ихъ въ конецъ, не дѣлали ничего для освобожденія ихъ отъ власти Русскихъ. Дабы успокоить недовольныхъ, Шамиль обѣщалъ атаковать Темиръ-Ханъ-Шуру, и чтобы убѣдить ихъ въ дѣйствительности своего намѣренія, онъ непрерывно понуждалъ рабочихъ, трудившихся въ Муселимъ-ауль надъ изготовленіемъ осадныхъ матеріаловъ.

Командующій войсками, желая скорѣе выручить Темиръ-Ханъ-Шуру и въ особенности Аварскій отрядъ, о дѣйствіяхъ котораго въ Зырянахъ до него доходили слухи, предписалъ генералу Фрейтагу, чтобъ онъ, если самъ не успеетъ прибыть къ 10 декабря въ шамхальство, или если сборъ Чеченцевъ удержитъ его на Кумыкской плоскости, отправилъ бы въ Темиръ-Ханъ-Шуру, минуя всякія затрудненія, 3 баталіона, при 4 орудіяхъ и 4 сотняхъ козаковъ. Въ тоже время онъ просилъ князя Аргутинскаго, если обстоятельства не позволятъ ему соединиться съ Дагестанскимъ отрядомъ, по крайней мѣрѣ двинуться въ Акушу, чтобы заставить Акушинцевъ озаботиться о защитѣ своихъ жилищъ и тѣмъ отвлечь ихъ изъ скопища Шамиля.

Между тѣмъ Самурскій отрядъ, усиленный вновь до пяти баталіоновъ, въ первыхъ числахъ декабря стягивался къ Кумуху. Князь Аргутинскій предполагалъ, для выручки отряда подполковника Пассека, двинуться черезъ Турчидагъ на салтискій мостъ и сдѣлавъ видъ наступленія въ глубь горъ, быстро повернуть къ Гаркасу и занять перевалъ черезъ Койсубульскій хребетъ. Движеніе это, безъ сомнѣнія, принесло бы превосходные результаты, какъ вдругъ выпавшій глубокій снѣгъ завалилъ Турчидагъ и сдѣлалъ непроходимыми всѣ тропинки изъ Казикумухскаго ханства въ вольныя общества; свирѣпствовавшія на горахъ сильныя выюги могли погубить весь отрядъ, еслибъ онъ отважился на это движеніе.

Тогда, не имѣя никакой возможности, по случаю возстанія Цудахара и Акуши, идти болѣе прямымъ путемъ въ Сѣверный Да-

гестанъ, князь Аргутинскій рѣшился перевести свой отрядъ обратно на Самуръ и оттуда чрезъ Дербентъ поспѣшить на выручку Темиръ-Ханъ-Шуры. Но пока Самурскій отрядъ совершалъ это продолжительное обходное движеніе, непріятель уже былъ разбитъ и бѣжалъ въ горы.

Не желая прерывать нить разсказа о дѣйствіяхъ на плоскости въ виду Темиръ-Ханъ-Шуры, мы по неволѣ должны были умалчивать о судьбѣ Аварскаго отряда, достопамятное отступленіе котораго изъ Хунзаха началось почти одновременно съ началомъ блокады Темиръ-Ханъ-Шуры.

Припомнимъ, что подполковникъ Пассекъ не исполнилъ перваго предписанія генераль-маіору Кругену отъ 8-го ноября очистить Хунзахъ, и мы видѣли причины, которыя онъ приводилъ въ оправданіе своихъ дѣйствій. Увѣренность въ выгодахъ защищаться до послѣдняго въ Хунзахѣ продолжала удерживать его тамъ, несмотря даже на доставленное ему 13-го ноября свѣдѣніе объ уходѣ изъ Аваріи скопища Хаджи-Мурата, что давало ему возможность покинуть Аварскую долину безъ упорнаго боя. Такимъ образомъ, онъ рѣшился выступить изъ Хунзаха только 16-го ноября, когда узналъ навѣрное, что Темиръ-Ханъ-Шура находится въ блокадѣ, и слѣдовательно, не только вѣренный ему отрядъ, но Балаканскій и Зырянскій гарнизоны не могли рассчитывать на помощь.

Это превосходное отступленіе, а равно пребываніе Аварскаго отряда въ Зырянахъ, имѣетъ для своего описанія единственный матеріалъ — донесеніе подполковника Пассека. Донесеніе это, замѣчательное по своимъ отчетливости, ясности и полнотѣ, было въ свое время перепечатано во многихъ періодическихъ изданіяхъ; съ своей стороны, не имѣя ничего къ нему прибавить, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ неумѣстнымъ перефразировать его и поэтому приводимъ здѣсь его цѣликомъ.

Копія съ рапорта командующему войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ генераль-маіору Кюки фонъ-Кругену, командующаго Аварскимъ отрядомъ генеральнаго штаба подполковника Пассека, отъ 11-го января 1844 года № 1. Укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шура.

16-го числа на разсвѣтѣ, я получилъ снова предписаніе вашего превосходительства, оставить Хунзахъ и слѣдовать въ Темиръ-Ханъ-Шуру; въ пять часовъ по полудни я уже выступилъ къ Зырямамъ.

Еще 11-го числа я донесъ, что мнѣ выгоднѣе защищаться до послѣдняго въ Хунзахѣ, нежели отступить къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, но въ продолженіи пяти дней обстоятельства совершенно пзмѣнились.

1) Только 13-го числа, я положительно узналъ, что Хаджи-Муратъ двинулся изъ Сіуха съ значительною партією на соединеніе съ Шамилемъ, слѣдовательно, безъ упорнаго боя, отрядъ не могъ выйти изъ Аварской долины.

2) До 14-го числа лазутчики утверждали, что самъ Шамиль черезъ Араканы прошелъ къ Зырянамъ и Ирганаю, а укрѣпленіе Балаканское намѣренъ атаковать особою партією со стороны Моксоха, и это подтвердилось свѣдѣніемъ, полученнымъ мною отъ нарочныхъ вашего превосходительства, которые принесли мнѣ первое предписаніе и наконецъ, самымъ предписаніемъ отъ 8-го ноября. На разсвѣтѣ же 12-го числа, эти свѣдѣнія подтвердились письмами отъ начальствующаго въ Зырянахъ штабсъ-капитана Эггера, и въ Балаканахъ маіора Масловскаго. 16-го же числа, я положительно узналъ, что Шамиль въ Казанщахъ, Балаканское ущелье не занято неприятелемъ, слѣдовательно, предстояла полная возможность достигнуть отряду, по крайней мѣрѣ до Зырянъ.

3) Взятіе Гергебиля, измѣна Акуши и Цудахара, потомъ Мехтулы и Шамхальства, наконецъ, заключеніе отряда въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и потеря Хунзахцами всей баранты распространили въ Хунзахѣ страхъ и уныніе, а происки Хаджи-Мурата склонить Хунзахцевъ на свою сторону усиливались съ каждымъ днемъ въ продолженіе 13-го и 14-го чиселъ, я заарестовалъ 4-хъ человекъ, будто бы бѣжавшихъ отъ мюридовъ и принесшихъ извѣстія о потерѣ хунзахской баранты, о занятіи Джегутая, Казанщъ и Тарковъ. Несмотря на ободренія съ моей стороны правителя Аваріи, маіора князя Орбеліана, страхъ жителей такъ былъ великъ, что утвердительно можно сказать: при первомъ появленіи Шамиля подъ Хунзахомъ и первой неприятельской командѣ, селеніе не осталось бы намъ вѣрнымъ. Невѣрность жителей, отъ чего бы она не произошла, поставила бы отрядъ въ опасное положеніе.

4) Я узналъ, что полковникъ Ясинскій получилъ предписаніе оставить Балаканы, и опасался, что онъ по малому запасу провіанта, не рѣшился далѣе удерживаться въ Балаканскомъ

укрѣпленіи (*). Оставленіе же Балаканскаго укрѣпленія ставило Аварскій отрядъ въ весьма опасное положеніе. Когда бы непріятель узналъ, что Балаканы оставлены, то немедленно занялъ бы ущелье, какъ сдѣлалъ послѣ, перегородилъ его завалами и занялъ бы хребты Орчло и Танусъ-балъ, а тогда 3¹/₂ баталіона, имѣя больныхъ и раненыхъ, цѣлый обозъ съ женами и дѣтьми Аварцевъ, должны бы были сперва сбить непріятеля съ хребтовъ, а потомъ, преслѣдуемые имъ, штурмовать завалы Хаджи-Мурата въ самомъ ущельѣ. Операція весьма опасная, если и возможная, и мнѣ необходимо было до оставленія Балаканъ послѣшнить выступленіемъ изъ Хунзаха.

5) Имѣя возможность достигнуть Зырянъ, я облегчалъ спасеніе отряда тѣмъ, что усиливалъ его 1¹/₂ баталіонами, присоединивъ къ себѣ гарнизоны изъ Балаканъ и Зырянъ; ставилъ отрядъ въ независимость отъ вѣрности жителей, и при первомъ успѣхѣ нашихъ войскъ на плоскости могъ имѣть свободный доступъ къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. А когда бы я остался въ Хунзахѣ, и Балаканское ущелье было бы занято непріятелемъ, то главный отрядъ, опрокинувъ Шамиля, съ плоскости долженъ бы пробиваться черезъ Балаканское ущелье, чтобы освободить меня; но для этого войска съ линіи, которая, какъ я разсчитывалъ, могли послѣть на помощь Шурѣ, не могли усилить Дагестанскаго отряда на столько, чтобы онъ могъ предпринять наступленіе къ Хунзаху, и погибель Аварскаго отряда была бы неизбѣжна.

При этомъ, по оставленіи Балаканскаго укрѣпленія; пало бы и Зырянское: 1¹/₂ баталіона на невыгодной позиціи при Зырянахъ недолго могли держаться, а Шамиль вѣрно употребилъ бы всѣ усилія овладѣть Зырянами, владѣя Балаканскимъ ущельемъ, имѣя цѣлый мѣсяцъ свободы, и понимая, что тогда цѣлый отрядъ дѣлался уже непремѣнной жертвой.

Всѣ эти соображенія заставили меня послѣшнить выступленіемъ изъ Хунзаха: въ продолженіе десяти часовъ, я кончилъ всѣ сборы. Необходимость уничтожить запасы, рубить лафеты, заклепывать орудія и кидать въ кручу, оставлять укрѣпленіе и селеніе, добровольно принявшее насъ и вѣрно служившее своему государю, невольно возбуждала самое прискорбное чувство, и скорбь эта увеличивалась плачемъ мужчинъ и женщинъ, кото-

(*) По прибытіи въ Балаканы, я узналъ отъ полковника Ясинскаго, что онъ намѣренъ былъ ждать меня еще три дня, и потомъ отступить въ Зыряны

рые прощались съ родными, слѣдовавшими за нами, и съ своимъ правителемъ княземъ Орбеліаномъ, цѣлуя руки и платье. Въ пять часовъ по полудни, 16-го ноября, отрядъ оставилъ Хунзахъ, безъ выстрѣла, прошелъ мостикъ близь водопада и тогда только Хунзахцы, для своего оправданія предъ Шамилемъ, начали преслѣдовать насъ, сперва слабо, а потомъ, когда у Танускаго подъема усилила ихъ партія изъ Сіуха, довольно рѣшительно.

Я распредѣлилъ войска для отступленія въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ шли: 2-й баталіонъ Куринскаго и 3-й баталіонъ Кабардинскаго полковъ, съ 4-мя горными единорогами, имѣя впереди себя всѣхъ козаковъ моихъ; за ними всѣ тяжести, раненые, больные, семейства Хунзахцевъ и вьюки подъ прикрытіемъ 2-хъ ротъ линейнаго № 14-го баталіона; арріергардъ состоялъ изъ одного баталіона Его Свѣтлости полка съ двумя горными единорогами.

Достигнувъ Танускаго подъема, 3-й баталіонъ Кабардинскаго полка, съ 2-мя горными единорогами, расположился на позиціи, пропустилъ всю колонну, прикрывая движеніемъ ее отъ нападенія со стороны Сіуха, и потомъ составилъ арріергардъ отряда, а 1-й баталіонъ Его Свѣтлости полка долженъ былъ поддерживать арріергардъ.

Непріятель нѣсколько разъ бросался въ шашки, но храбрые Кабардинцы опрокидывали ихъ въ штыки и непріятель снова открывалъ убійственный огонь, между тѣмъ 1-й баталіонъ Его Свѣтлости полка устроилъ эшелонъ на хребтѣ Танусъ-балъ, принялъ на себя Кабардинцевъ и пропустивъ ихъ, открылъ сильный огонь съ высотъ, прилегающихъ къ дорогѣ; непріятель ослабилъ преслѣдованіе и Фельдмаршалыцы продолжали отступленіе безъ боя.

Въ это время взорвало Хунзахскій паркъ и бѣлый столбъ свѣта освѣтилъ Хунзахъ; взрывъ слѣдовалъ за взрывомъ; безпрерывно лопались гранаты, какъ будто началась сильная канонада, и наконецъ зарево пожара разлилось надъ ауломъ. По словамъ перебѣжчиковъ, взрывъ парка разрушилъ казармы, комендантскій дѣмъ, часть крѣпостной стѣны, а полуразрушенныя зданія охватилъ пожаръ; при этомъ погибло нѣсколько мюридовъ, пріѣхавшихъ изъ Голотля; еще на другой день гранаты разносило по селенію, и жители два дни скрывались въ сакляхъ. Хунзахцевъ я предупредилъ, что будетъ взрывъ и чтобъ они не ходили въ крѣпость.

Быстрота, съ какою я собрался изъ Хунзаха, и скрытность моего намѣренія до послѣдняго часа, даже отъ офицеровъ, способствовали отряду съ малой потерей пройти хребты Тапусь-балъ и Орчло; преданные мюридамъ Хунзахцы поскакали въ Сіухъ, Голотль и Буцру во время самаго нашего выступленія изъ Хунзаха, и одинъ Кучубуръ съ партией изъ Сіуха поспѣлъ на помощь Хунзахцамъ, но и онъ не успѣлъ предупредить пастъ на хребтахъ. Снѣгъ и гололеда до крайности замедляли наше движеніе; лошади и вьюки падали въ кручу, горные единороги спускали на рукахъ. Только въ четыре часа утра 17-го числа отрядъ стянулся въ Мокрую балку и на развѣтѣ спустился въ Балаканское ущелье; въ одиннадцать же часовъ утра достигъ укрѣпленія Балаканъ. Въ это время показались на кручахъ Арактау заноздавшія партія сосѣднихъ деревень: Цатаниха, Буцры, Уркачей и Могоха.

Потеря наша при отступленіи состояла убитыми изъ 1-го оберъ-офицера и 8 нижнихъ чиновъ, ранеными изъ 2-хъ оберъ-офицеровъ и 21 нижнихъ чиновъ.

По прибытіи отряда въ Балаканы, полковникъ Ясинскій собрался въ продолженіи четырехъ часовъ, раздавъ снаряды на руки, и по неимѣнію лошадей, для перевозки 3 полевыхъ орудій и одного горнаго единорога, назначенъ былъ 2-й баталіонъ Его Свѣтлости полка; оставшіеся снаряды и порохъ приготовлены были для взрыва.

Въ три часа по полудни я выступилъ изъ Балаканъ; авангардъ мой состоялъ изъ саперной команды, 1-го баталіона Его Свѣтлости полка съ 3 горными единорогами, за нимъ слѣдовалъ 2-й баталіонъ Его Свѣтлости полка, съ 3 полевыми орудіями, потомъ вьюки, раненые, больные подъ прикрытіемъ линейныхъ ротъ; арріергардъ состоялъ изъ 3-го баталіона Кабардинскаго и 2-го баталіона Куринскаго полковъ, съ 4 горными единорогами. Авангардъ, не ожидая главной колонны, долженъ былъ спѣшить занять селеніе Зыряны и сады, прилежащія къ дорогѣ, а въ случаѣ, если бы выходъ изъ ущелья былъ перегороженъ завалами и занять непріателемъ, то ожидать 2-го баталіона Его Свѣтлости полка съ полевыми орудіями и моего прибытія; самъ я оставался въ арріергардѣ. Непріатель, слѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, кончилъ тѣмъ преслѣдованіе. Спустя полъ-часа по уходѣ нашемъ изъ укрѣпленія, слѣвался взрывъ парка.

Въ четыре съ половиной часа авангардъ мой занялъ селеніе Зыряны и ближайшіе сады, а въ пять часовъ партія Мусы-Балаканскаго, занявъ противоположные селенію сады, завязала перестрѣлку, и въ то же время Могохцы, Буцринцы и Уркачинцы начали спускать камни въ ущелье со скалъ Арактау. Но такъ какъ большая часть больныхъ и вьюковъ уже прошли къ переправѣ при укрѣпленіи Зырянахъ, то непріятель весьма мало нанесъ намъ вреда: ранено 1 оберъ-офицеръ и 9 нижнихъ чиновъ.

Вечеромъ же 17 числа, я отправилъ лазутчиковъ узнать, существуетъ ли башня при Бурундукъ-кале и подъемъ выхода, сдѣлавъ всѣ распоряженія для немедленнаго выступленія на легкѣ, еслибъ узналъ, что башня занята Русскими, или покрайней мѣрѣ цѣль подъемъ и выходъ не занять сильной непріятельской партіей. Посланные не узнали ничего положительно, а лазутчики, отправленные вечеромъ 18-го числа, ночью же дали мнѣ знать, что башня разрушена, и что много непріятельскихъ огней разложено надъ выходомъ и у подъема Бурундукъ-кальскаго, или у Волчьихъ воротъ.

Получивъ это свѣдѣніе, я до разсвѣта еще переправилъ 2-й баталіонъ Его Свѣтлости полка, съ двумя горными единорогами, съ цѣлью внезапно захватить селеніе Зыряны; а чтобъ утвердиться при селеніи Зырянахъ, въ слѣдъ за Фельдмаршальцами переправилъ сводный линейный баталіонъ и саперную роту. Позицію при селеніи Зырянахъ, я намѣревался удерживать до рѣшительнаго наступленія Шамиля, она была важна для насъ потому, что совершенно командуетъ укрѣпленіемъ, и непріятель, владѣя ею, могъ наносить намъ значительныя потери.

Съ разсвѣтомъ, селеніе Зыряны было занято безъ всякой потери, но непріятель завязалъ сильную перестрѣлку съ противоположныхъ садовъ селенія; когда же переправились сводный линейный баталіонъ и саперы, я повелъ ихъ по рѣкѣ въ обходъ садовъ; саперы составляли резервъ линейнаго баталіона. Обходная команда, пройдя ближайшіе сады, стремительно бросилась захватить единственную дорогу вдоль Койсу, по которой непріятель могъ отступить къ Балаканскимъ хуторамъ; въ это же время 2-й баталіонъ Его Свѣтлости полка бросился прямо въ сады; непріятель, опасаясь быть отрѣзаннымъ, бѣжалъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ одно тѣло. Во время перестрѣлки мы имѣли 4 раненыхъ, во время же атаки ни одного.

Занявъ узкой перешеекъ по Койсу и выходъ изъ Балаканскаго ущелья, я приказалъ перегородить ихъ прочными зава-лами.

Едва сдѣланы были необходимыя распоряженія для удержа-нія позиціи при селеніи Зырянахъ, какъ сильная непріятельская партія показалась на высотахъ противъ укрѣпленія со стороны Ирганая и Араканъ.

Я послѣдшилъ на правый берегъ Койсу, а когда прибылъ въ лагерь при укрѣпленіи, непріятель уже бросился на 8-ю роту Кабардинскаго полка, но поручикъ Дуровъ твердо выдержалъ первый ихъ натискъ; между тѣмъ къ атакованной высотѣ я на-правилъ 7-ю роту Кабардинскаго полка и 2-й баталіонъ Куринскаго полка съ 2 горными единорогами, а 3-я и 12-я роты Кабардинскаго, подѣ начальствомъ инженеръ-штабсъ-капитана Эггера, двинулись сбить непріятеля съ высотъ.

Рѣшительное наступленіе съ нашей стороны заставило не-пріятеля отступить съ обоихъ пунктовъ на дальнѣйшіе шпильи. Хаджи-Муратъ утвердилъ 8 значковъ на ружейный выстрѣлъ отъ насъ и открылъ сильный огонь. Я скрылъ войска за пока-тостію, не отвѣчая на непріятельскіе выстрѣлы, только горные единороги подѣ начальствомъ штабсъ-капитана Гунина обстрѣ-ливали окружающія высоты картечью, а прилежащія балки гра-натами.

Когда солдаты отдохнули, а Хаджи-Муратъ имѣлъ время увѣриться, что мы не рѣшимся его атаковать на крѣпкой пози-ціи, я приказалъ сдѣлать общее и рѣшительное наступленіе. Чтобъ атаковать шпиль, занятый Хаджи-Муратомъ, надобно было войскамъ проходить узкой перешеекъ между двумя обры-вами, подѣ вѣрными перекрестными выстрѣлами непріятеля; но храбрые Кабардинцы и Куринцы перебѣжали перешеекъ и бы-стро приблизились къ подошвѣ шпиля. Мюриды, атакованные неожиданно, были смущены, несмотря на то держались до край-ности, стрѣляли въ упоръ, только стремительный натискъ въ штыки обратилъ ихъ въ совершенное бѣгство, такъ что тѣсня-щіяся толпы мюридовъ на склонѣ занятаго нами шпиля были поражаемы, безъ-отвѣтно съ ихъ стороны, нашимъ мѣткимъ ба-тальнымъ огнемъ. Всадники безъ лошадей, въ томъ числѣ самъ Хаджи-Муратъ и всѣ знаменщики, разбѣжавшіяся лошади, сбро-сившіяся раненые въ кручу, оставленные бурки и шубы, торбы со съѣстными запасами, все доказывало, какъ нечаянно было захва-

чено скопище горцевъ и какъ неожиданно опрокинуто нами. Впереди всѣхъ при атакѣ былъ Кабардинскаго полка прапорщикъ Савиничъ; въ числѣ охотниковъ часть Аварцевъ съ княземъ Орбеліапомъ и храбрымъ подпоручикомъ Анановымъ. Значки были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ солдатъ, и только спаслись тѣмъ, что бросились прямо подъ кручу. Партія Хаджи-Мурата въ этомъ дѣлѣ была усплена Шамхальцами и Мехтулинцами.

Въ то же время, какъ мы атаковали Хаджи-Мурата, штабс-капитанъ Эггеръ, съ полубаталіономъ командуемаго имъ Кабардинскаго баталіона, сбилъ непріятеля съ слѣдующихъ высотъ и занялъ возвышеннѣйшій шпиль хребта.

Пораженіе Хаджи-Мурата 19-го ноября имѣло самыя благопріятныя послѣдствія: непріятель уже нерѣшался занимать и даже показываться на высотахъ передъ укрѣпленіемъ, съ которыхъ могъ поражать насъ не только пушечнымъ, но ружейнымъ огнемъ. И еслибъ непріятель утвердился на нихъ, то положеніе отряда было бы самое бѣдственное: не говоря о огромной потерѣ, которую понесли бы мы, войска не имѣли бы дровъ и фуража цѣлыхъ двѣ недѣли; въ самое холодное время солдаты запасались колючкой съ занятыхъ нами высотъ и фуражемъ для лошадей, которыя составляли пищу отряда.

Потеря наша состояла убитыми изъ 3 нижнихъ чиновъ, ранеными изъ 1-го оберъ-офицера и 14 нижнихъ чиновъ; потеря непріятеля была значительная, объ этомъ можно было судить по тѣламъ, уносимымъ, оставленнымъ на мѣстѣ и по словамъ перебѣжчиковъ.

Вечеромъ 19-го числа Хаджи-Муратъ обошелъ тропинками Зыряны и спустился къ Койсу на кудухскій бродъ, а 20-го, перевалившись черезъ Арактау, явился противъ нашихъ заваловъ въ Балаканскомъ ущельи; часть горцевъ начала устраивать завалы на первомъ подъемѣ ущелья, а другая стала обходить нашъ завалъ, обстрѣливать его и спускать камни. Чтобъ не позволить мюридамъ утвердиться надъ нашимъ заваломъ и съ перваго дня отнять охоту обходить насъ, я приказалъ послать охотниковъ отъ 2-го баталіона Его Свѣтлости полка сбить горцевъ съ кручи скалъ, а для содѣйствія охотниковъ послалъ 3 роту Грузинскаго линейнаго № 14-го баталіона идти въ обходъ горцевъ къ вершинѣ хребта.

Охотники, не смотря на огонь мюридовъ и спускаемые камни, безостановочно преслѣдовали ихъ по кручамъ и скаламъ, а когда линейная рота достигла вершины хребта и угрожала захватить боаѣе упорныхъ, то горцы оставили трудно доступные карнизы и пещеры и скрылись на Арактау.

Потеря наша состояла изъ 1-го убитаго, 5 раненыхъ и 6 контуженныхъ камнями нижнихъ чиновъ.

20-го числа день и ночь работали ретраншаментъ около лагеря при укрѣпленіи Зырянскомъ; рубили сады и заготавливали дрова на случай, если необходимость заставитъ оставить позицію при селеніи.

21-го числа непріятель значительно усилился въ Балаканскомъ ущельи; большія толпы мюридовъ показались противъ нашихъ заваловъ, масса горцевъ заняла хребетъ Арактау и начала спускать камни на нашу позицію, другая масса открыла сильный огонь съ оконечности Балаканскаго хребта по войскамъ, занимавшимъ селеніе, а между тѣмъ устроили батарею, поставили легкое орудіе и въ часть по полудни началось дѣйствіе ядрами и картечью по укрѣпленію и лагерю.

Наши батареи и стрѣлки не отвѣчали на непріятельскій огонь: ебить ихъ орудіе было невозможно, потому что видно было только одно дуло, перестрѣливаться же нашимъ стрѣлкамъ съ ними значило бы напрасно выставлять себя, подвергаясь вѣрнымъ выстрѣламъ. Всѣ войска были, по возможности, скрыты отъ артиллерійскаго и ружейнаго непріятельскаго огня; работы днемъ были прекращены.

Потеря наша въ этотъ день состояла изъ раненыхъ: двухъ ядрами, четырехъ пулями и пяти камнями.

Канонада изъ непріятельскаго орудія и усилія непріятели ебить насъ съ позиціи, при селеніи Зыряны, продолжались и въ слѣдующіе дни.

Между тѣмъ, вечеромъ 23-го числа, прибыла сильная партія въ Ирганай отъ Бурундукъ-кале, такъ что, противъ насъ собралось 18 значковъ, не считая скопища въ Араканахъ. Ночью же 22-го числа, солдаты устроили себѣ небольшія землянки для укрытія отъ непріятельскаго орудія, а 23-го ноября четыре редута. Въ слѣдующіе дни улучшили ихъ оборону, потомъ устроили еще два редута и продолжали работу ретраншамента.

Войска были распределены слѣдующимъ образомъ: 2 горныхъ единорога и 3-й баталіонъ Кабардинскаго полка располо-

жены были въ срединѣ Зырянскихъ садовъ, цѣлая рота занимала заваль противъ Балаканскаго ущелья, которое было перегорожено стѣной; селеніе Зыряны занято было 2-мя ротами 2-го баталіона Его Свѣтлости полка съ однимъ горнымъ единорогомъ и 4-мя крѣпостными ружьями; цѣпь передъ селеніемъ и башню занимала рота Грузинскаго линейнаго № 14-го баталіона; другія двѣ линейныя роты занимали завалы на дорогѣ по Койсу, держа сильный пикетъ надъ скалой, подъ которой были устроены наши завалы.

1-й баталіонъ Его Свѣтлости полка, три роты 2-го баталіона Куринскаго полка и команда саперъ, съ 2-мя горными единорогами, составляли главный резервъ, который занималъ лагерь при укрѣпленіи; самое укрѣпленіе занимали взводъ Навагинской роты и Апшеронская команда въ 40 человекъ. Всѣ зданія укрѣпленія были очищены подъ больныхъ и раненыхъ. Редуты № 1-го и 2-го заняты были 2-мя ротами 2-го баталіона Его Свѣтлости полка; № 3-го и № 4-го ротою Куринскаго баталіона, сверхъ того, редутъ № 3-го былъ вооруженъ 2-мя горными единорогами; редутъ № 5-го особую командою въ 24 человекъ, при офицерѣ отъ 1-го баталіона Его Свѣтлости полка; наконецъ № 6-го взводомъ Навагинской роты и вооруженъ 2-мя полевыми единорогами, а главный ретраншаментъ при укрѣпленіи 2-мя полевыми орудіями и 3-мя мортирками 10-ти и 6-ти фунтовыми.

Силы отряда простирались до 2,400 штыковъ, при 7-ми горныхъ, 4-хъ полевыхъ, 3-хъ крѣпостныхъ орудіяхъ и 3-хъ мортиркахъ.

Площадь, окружающая укрѣпленіе Зыряны, составляла плацдармъ для отряда, а высоты, прилежащія къ передовому валу (*), которыя я рѣшился удерживать до послѣдней крайности, предположивъ, что если Шамиль обратится противъ меня со всѣми скопищами, то я оставляю позицію при селеніи Зыряны, сосредоточу войска при укрѣпленіи, чтобы совокупностью силъ имѣть возможность отражать атаки всѣхъ скопищъ Шамиля.

30-го числа Хаджи-Муратъ, послѣ тщетныхъ усилій овладѣть позиціей при Зырянахъ, перешелъ въ Аракань; потеря наша въ продолженіи девяти послѣднихъ дней состояла ранеными: картечью 8, пулями 4, камнями 7, контуженными изъ 12 ниж-

---

(*) Здѣсь пропускъ въ донесеніи подполковника Пассека; вѣроятно онъ хотѣлъ сказать, что высоты, прилежащія къ валу, составляли гласисъ.

нихъ чиновъ. Непрiятельское орудіе по прежнему продолжало дѣйствовать, но уже гораздо слабѣе, часть горцевъ осталась въ Балаканскомъ ущельи и по прежнему Ирганай былъ занятъ мюридами.

Двѣ недѣли прошло, какъ отрядъ занялъ Зыряны; двѣнадцать нарочныхъ было отправлено мною въ Темиръ-Ханъ-Шуру съ донесеніями и не одинъ изъ нихъ не возвращался къ намъ, ни одинъ не принесъ намъ извѣстіе, что существуетъ еще Шура, а много разъ слышали отъ мюридовъ, что Шура уже взята и намъ предстонтъ гибель. Хотя мы не давали этому извѣстію никакого вѣроятiя, нельзя было не усомниться, что Шура находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. И мы, предоставленные тягостной неизвѣстности, съ малымъ запасомъ сухарей, несмотря на уменьшеніе дачи до одного фунта, безъ соли и мяса, окруженные со всѣхъ сторонъ въ горной котловинѣ, откуда сама природа, тѣсннами и громадами скалъ, заслонила выходъ на плоскость, готовились къ смертной, но отчаянной борьбѣ.

Трудно, или, лучше, невозможно, выразить того мучительнаго, жгучаго чувства, которымъ исполнены были душа и сердце каждаго изъ насъ. Насъ уже не радовало уничтоженіе всѣхъ покушеній непрiятеля и страхъ, какой мы внушили къ себѣ. Но тѣмъ болѣе угасала надежда на спасеніе, тѣмъ рѣшительнѣе и предпримчивѣе дѣлались войска. Зная нравственную силу ихъ, я рѣшился ждать извѣстій и вспомошествованія съ плоскости, пока не съѣдимъ послѣдняго сухаря, а тогда, призвавъ на помощь Господа побѣдодавца, штыками проложить себѣ дорогу.

Конечно, обходя непроходимые достуны безъ тропинокъ, поднимаясь и спускаясь по крутизнамъ и скаламъ на заоблачные хребты, я не въ какомъ бы случаѣ не спасъ ни артиллеріи, ни больныхъ, ни раненыхъ; но можетъ быть спасъ бы остатки храбрыхъ. А если бы погибли и всѣ, то не лучше ли бы погибнуть имъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели унижить себя постыдной сдачей.

Но вдругъ, въ одиннадцать часовъ вечера 1-го декабря, къ неописанной радости всего отряда, я получилъ письма вашего превосходительства отъ 25-го и 29-го чиселъ, въ которыхъ вы извѣщаете, что мы можемъ быть выручены соединенными силами Дагестанскаго отряда и отряда генерала Фрейтага чрезъ 30 дней. Извѣстіе это оживило, воскресило солдатъ и офицеровъ, какъ

будто призвало насъ снова къ жизни и на утро во всѣхъ баталіонахъ служили благодарственный молебенъ.

Съ 30-го ноября непріятель уже не предпринималъ ничего.

6-го декабря, несмотря на труды и голодъ, мы не забыли вознести наши теплыя молитвы Господу о здравіи великаго именинника, и скалы Дагестана, при испрошеніи долголѣтія государю императору, огласились громомъ нашихъ батарей и далеко разнесли его по непокорнымъ племенамъ Кавказа. Русскіе еще торжествовали въ горахъ тезоименитство своего государя, какъ бы въ предзнаменованіе скорой покорности горъ державной волѣ его.

9-го числа я снова получилъ письма вашего превосходительства отъ 3-го, 5-го и 7-го числа; срокъ нашего избавленія уменьшался: предполагалось совершить его къ 20-му декабря.

Между тѣмъ, 7-го декабря, наступили сильныя морозы; къ бѣдствіямъ присоединилось новое бѣдствіе; положеніе отряда было ужасно: большая часть солдатъ была безъ полушубковъ, а многіе не имѣли рубахъ и сапогъ, десять дней уже солдаты питались однимъ фунтомъ сухарей безъ соли. На холодѣ, безъ пищи, я опасался, что откроется повальная болѣзнь: у насъ уже не доставало помѣщенія и для обыкновенныхъ больныхъ, хотя ихъ съ ранеными во все время было не болѣе 180 человекъ.

Положеніе отряда точно было бѣдственное; но духъ въ войскахъ былъ выше всякихъ похвалъ и онъ, кажется, поддерживалъ физическія силы солдатъ. По прежнему, ночью, съ усердіемъ продолжали работу для усиленія окоповъ и самой крѣпости; днемъ два раза ходили за дровами и фуражемъ, на дрова ломали колючку по крутизнамъ горъ и рвали скудную траву, разгребая слѣгъ. Я давалъ общій роздыхъ войскамъ только отъ одиннадцати часовъ утра до часу пополудни, когда солнце умѣряло холодъ и сонъ не былъ такъ опасенъ, а чтобы имѣть менѣе больныхъ, я приказалъ всѣхъ слабыхъ помѣщать въ госпиталь, чтобы въ теплѣ, на свѣжемъ хлѣбѣ и на полъ-фунтѣ мяса отдохнули и оправились; для этого я сберегъ, какую нашелъ, муку и заблаговременно отобралъ скотъ отъ всѣхъ частныхъ лицъ и командъ. Для поддержанія силъ солдатъ, я разрѣшилъ и уговаривалъ ѣсть мясо лошадей; несмотря на отвращеніе, постепенно все большее число побѣждало предрасудокъ и наконецъ, при содѣйствіи священника Грузинскаго линейнаго № 14-го бата-

ліона (*), всѣ принялись за конину, а послѣ дѣлили кости лошадей.

Воспоминанія 1812 года превращались въ дѣйствительность, особенно, когда въ группѣ солдатъ являлись съ кускомъ брезента или рогожей, вмѣсто плаща, и въ колошахъ изъ куска сырой кожи или войлока на ногахъ, вмѣсто сапогъ.

13-го декабря вода въ Койсу значительно упала и пошелъ большой ледъ, такъ что паромная переправа прекратилась; я приказалъ сдѣлать мостъ на козлахъ, къ 15-му числу онъ уже былъ готовъ, и тѣмъ значительно облегчилось наше сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ Койсу.

13-го же числа огромныя массы горцевъ перешли изъ Араканъ въ Ирганай, между тѣмъ всѣ окрестныя горы со стороны Араканъ заняты были большими толпами мюридовъ, а съ главнаго шшиля Хаджи-Муратъ, Магомедъ-кадіи Акушинскій, Кибитъ-Магома и Асланъ-кадіи Цудахарскій обозрѣвали наши укрѣпленія. Въ тоже время непріятель усилился со стороны Балаканъ и усилилъ дѣйствія изъ орудія.

15-го вывезенъ былъ горный единорогъ изъ Араканъ и съ высоты открыто изъ него дѣйствіе по войскамъ при селеніи Зыряны; главный шшиль былъ занятъ большою партіей и часть ея спустилась къ редуту № 5-го.

Я вывелъ изъ лагеря 1-й баталіонъ Его Свѣтлости полка и 2 роты Куринцевъ, съ двумя горными единорогами, и двинулся на хребетъ съ тѣмъ, чтобы занять главный шшиль и овладѣть горнымъ единорогомъ; при приближеніи нашемъ, горцы оставили хребетъ и заблаговременно увезли орудіе.

15-го же числа, въ десять часовъ утра, Хаджи-Муратъ прислалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ, отъ имени Шамиля, клянется пропустить насъ съ честью въ Шуру, только бы мы оставили Зыряны, и просилъ, чтобъ я выслалъ кого нибудь для переговоровъ.

Я отвѣчалъ Хаджи-Мурату, что не иначе выступаю изъ Зырянъ, какъ получивши на это предписанія вашего превосходительства и когда мнѣ дадутъ въ аманаты Хаджи-Мурата или Кибитъ-Магому, а съ нашей стороны предлагалъ себя въ аманаты бывший правитель Аваріи князь Орбелианъ. Съ отвѣтомъ къ Хаджи-Мурату и донесеніемъ къ вашему превосходительству

(*) Отецъ Давидъ Попруженко.

вызвался ѣхать подпоручикъ Анановъ, лично извѣстный Шамилю; я просилъ Хаджи-Мурата пропустить его съ моимъ донесеніемъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Онъ былъ встрѣченъ мюридами въ виду нашемъ весьма дружески, а по словамъ выходцевъ, принять Хаджи-Муратомъ и отправленъ въ Казанищи, но на дорогѣ получено было извѣстіе о разбитіи Шамиля подъ Казанищами, а потому Ананова отправили въ Тлохъ, гдѣ онъ находится и теперь.

16-го числа, весь день огромныя скопища непріятеля проходили къ Араканамъ изъ Ирганая и отъ Волчьихъ воротъ, числомъ не менѣе 6,000, а 17-го на разсвѣтѣ я получилъ извѣстіе отъ вашего превосходительства, что отрядъ командующаго войсками генералъ-лейтенанта Гурко прибылъ въ Бурундукъ-кале».

Здѣсь оканчиваемъ выписку изъ донесенія подполковника Пассека и обратимся вновь на плоскость, гдѣ до 14-го декабря дѣла продолжали оставаться въ одномъ и томъ же положеніи, то есть Шамиль по прежнему окружалъ Темиръ-Ханъ-Шуру своими мюридами, не рѣшаясь предпринять противъ нее что либо рѣшительное.

Въ теченіе этого времени, генералъ Гурко употреблялъ всѣ усилія, чтобы чаще увѣдомлять подполковника Пассека обо всемъ происходившемъ на плоскости; но къ сожалѣнію, сообщеніе Темиръ-Ханъ-Шуры, затруднительное со всѣми пунктами, было особенно трудно съ Зырянами. До конца ноября представлялась еще возможность находить нарочныхъ изъ оставшихся намъ вѣрными горцевъ; но потомъ никто изъ нихъ, ни за какія деньги, не брался доставлять записки въ Аварскій отрядъ и необходимость заставила прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, посылать охотниковъ изъ нижнихъ чиновъ. Всѣ они дѣйствовали съ самоотверженіемъ, а нѣкоторые изъ нихъ, не смотря на трудности, опасности и лишенія, при исполненіи подобнаго рода порученій, вызывались по два и по три раза въ охотники и всегда возвращались съ отвѣтомъ.

Корпусный командиръ, получивъ донесеніе объ отчаянномъ положеніи Аварскаго отряда, прибылъ въ Екатериноградъ, чтобы находиться ближе къ театру дѣйствій и принять скорѣй-

шія мѣры для усиленія войскъ Лѣваго фланга Кавказской линіи. Вслѣдствіе этого, генераль Нейдгардтъ, направивъ въ распоряженіе генераль-маіора Фрейтага всѣ войска, какія только можно было взять съ другихъ частей линіи, и снабдивъ его денежными средствами, предписалъ, чтобы онъ, какъ можно поспѣшнѣе, двинулся въ Темиръ-Ханъ-Шуру на соединеніе съ Дагестанскимъ отрядомъ.

Къ сожалѣнію, медленное слѣдованіе рекрутъ не дозволило генералу Фрейтагу съ желаемою скоростію сформировать отрядъ. Наконецъ, нерѣшившись выжидать втораго маршеваго баталіона, долженствовавшаго достигнуть Амиръ-Аджи-Юрта только 8-го декабря, Фрейтагъ, усиливъ войска, у него находившіяся, первымъ маршевымъ баталіономъ, двинулся 7-го декабря въ Темиръ-Ханъ-Шуру, куда прибылъ только 14-го декабря. Слѣдованіе Кумыкского отряда чрезвычайно замедляли затрудненія при переправахъ въ Амиръ-Аджи-Юртъ и Казіюртъ, большія метели на плоскости и дурная погода отъ Чиръ-Юрта къ Міатлинскому перевалу.

Кумыкскій отрядъ состоялъ изъ 6½ баталіоновъ пѣхоты, 1,350 рекрутъ, 1,400 козаковъ и 18 орудій, а именно:

Пѣхота: 1-й баталіонъ Навагинскаго, 1-й баталіонъ Кабардинскаго, 1-й и 2 баталіоны Куринскаго полковъ, два сводные баталіона, двѣ (*) роты Апшеронскаго полка, находившіяся въ Казіюртъ, и 1,350 человекъ рекрутъ.

Кавалерія: Двѣ сотни Кубанскаго, двѣ Волгскаго, одна Ставропольскаго, двѣ Моздокскаго, одна Гребенскаго линейныхъ козачьихъ полковъ, одна сотня Уральскаго № 7-го полка, двѣ сотни № 8-го, сборная сотня № 49-го и двѣ сотни № 52-го Донскихъ козачьихъ полковъ.

Артиллерія: 6 конныхъ козачьихъ, 8 полевыхъ орудій и 4 горныхъ 10-ти фунтовыхъ единорога.

Прибытіе Кумыкского отряда, освободивъ Темиръ-Ханъ-Шуру отъ блокаднаго положенія, представляло возможность открыть рѣшительныя наступательныя дѣйствія; а потому 14-го

(*) Сводные баталіоны были составлены: одинъ изъ двухъ ротъ Волгскаго и двухъ ротъ Куринскаго полковъ, а другой изъ трехъ ротъ Его Свѣтлости полка, взвода 5-й егерской роты Кабардинскаго полка, взятаго въ Казіюртъ изъ Низоваго укрѣпленія, и взвода Грузинскаго линейнаго № 13 баталіона, взятаго въ Казіюртъ же изъ очищеннаго Міатлинскаго блокауза.

же декабря командующимъ войсками сдѣланы слѣдующія распоряженія:

Изъ войскъ, прежде сосредоточенныхъ въ Темиръ-Ханъ-Шуръ, были назначены къ выступленію:

1-й и 2-й сводные баталіоны Апшеронскаго, 2-й баталіонъ Тифлисскаго, 3-й баталіонъ Навагинскаго, 4-й баталіонъ Кабардинскаго полковъ, одна сотня козаковъ, два полевыхъ и 6 горныхъ орудій (*).

Кумыкскому отряду приказано было сдать рекрутъ въ Апшеронскій полкъ и принять на пять дней провіанта.

Хотя обстоятельства выпуждали немедленно переходомъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и удалитъ какъ можно скорѣе Шамиля изъ Казанищъ; но утомленіе войскъ Кумыкскаго отряда, аррьергардъ котораго вступилъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру въ часть ночи, а также сдача рекрутъ и приемка провіанта, заставили отложить наступательныя дѣйствія до 16-го декабря, а 15-го предполагалось дать отдыхъ прибывшему отряду и время приготовиться къ выступленію. Однако предположеніе это измѣнилось чрезъ намѣреніе непріятеля сжечь ближайшія деревни къ Темиръ-Ханъ-Шуръ.

15-го декабря, въ девять часовъ утра, Чеченцы, находившіеся въ Кафырь-Кумыкѣ и Халимъ-бекъ-ауль, зажгли послѣднее селеніе. Такъ какъ всѣ сосѣдніе къ Темиръ-Ханъ-Шуръ аулы, не могущей вмѣстить въ себя значительнаго числа войскъ, необходимы для расположенія въ нихъ баталіоновъ, оставшихся въ Дагестанѣ, то, чтобы спасти отъ сожженія Кафырь-Кумыкѣ и Халимъ-бекъ-ауль, были немедленно туда отправлены: 2-й сводный баталіонъ Апшеронскаго, 2-й Тифлисскаго и 4-й Кабардинскаго полковъ, при трехъ полевыхъ орудіяхъ. Движеніе этихъ баталіоновъ встревожило также непріятеля, занимавшаго и Муселимъ-ауль, откуда онъ вышелъ на помощь къ Чеченцамъ. Чтобы не допустить соединеніе Чеченцевъ съ шедшимъ къ нимъ подкрѣпленіемъ и не дозволить имъ отступить въ Большіе Казанищи, куда Шамилъ собиралъ все свое скопище, была направлена на рысяхъ вся кавалерія, при 6 конныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Волоцкаго, для занятія дороги между Кафырь-Кумыкомъ и Муселимъ-ауломъ.

(*) 3-й баталіонъ Навагинскаго и 4-й Кабардинскаго полковъ, имѣвшие каждый три роты, были весьма слабаго состава; по этой причинѣ въ общемъ счету они принимались за одинъ сводный баталіонъ.

Направленная къ Кафырь-Кумыку и Халимъ-бекъ-аулу пѣхота, расположась на выгодной позиціи, открыла огонь изъ орудій, съ тѣмъ, чтобы занять Чеченцевъ и не дать имъ времени сжечь оба селенія. Между тѣмъ линейные козаки, руководимые полковникомъ Волоцкимъ и подполковникомъ Евдокимовымъ, быстро атаковали горцевъ, вышедшихъ изъ Муселимъ-аула, опрокинули ихъ и, увлеченные преслѣдованіемъ, проскакали за селеніе. Отступившій непріятель расположился на ближайшихъ высотахъ, гдѣ поставилъ одно орудіе. Для сбитія его съ занятой имъ позиціи, были отправлены полковникомъ Волоцкимъ три сотни козаковъ: двѣ Моздокскаго и одна Гребенскаго полковъ, поддержанныя остальными линейными козаками. Командовавшіе этими сотнями: ротмистръ баронъ Фридериксъ и есаулъ Камковъ, произвели атаку съ стремительностію и успѣли отбить у непріятели 3 фунтовый горный единорогъ, прислуга котораго была вся изрублена, исключая двухъ бѣглыхъ солдатъ взятыхъ въ плѣнъ. Въ происшедшей схваткѣ, неустрашимый есаулъ Камковъ получилъ четыре кинжалныя раны.

Ободренная кавалерія не отставала отъ непріятели, несмотря на подходившія къ нему подкрѣпленія. Чтобы извлечь всю пользу изъ перваго одержаннаго ею успѣха, имѣвшаго на горцевъ весьма невыгодное нравственное вліяніе, командующій войсками немедленно направилъ къ Муселимъ-аулу четыре баталіона пѣхоты: 1 Навагинскаго, и 1 и 2 Куринскаго полковъ и 1 сводный баталіонъ Кумыкскаго отряда, при четырехъ орудіяхъ. Они должны были поддерживать кавалерію и довершать начатое дѣло.

Непріятель, по отступленіи отъ Муселимъ-аула, занялъ положенія высоты впереди Большихъ Казанищъ и имѣлъ два полевыхъ орудія. Лазутчики утверждали, что на одной изъ высотъ, болѣе отдаленной, находился самъ Шамиль, окруженный преданными ему мюридами.

Позиція непріятельская была весьма доступна атакамъ кавалерійскимъ, а прибытіе пѣхоты дозволило дѣйствовать рѣшительнѣе. По этимъ причинамъ, послѣ кратковременной пальбы изъ 10 орудій, командующій войсками приказалъ Донскимъ и Уральскимъ козакамъ, менѣе утомленнымъ, вновь атаковать мюридовъ. Вторичный ударъ произведенъ былъ съ необычайною быстротою. Мюриды два раза устранивались и оба раза были опрокинуты, обратились наконецъ въ бѣгство, оставивъ нѣсколь-

ко тѣлъ на мѣстѣ. Собственно селеніе Большіе Казанищи спасло ихъ еще отъ большихъ потерь. Всею атакою предводительствовалъ генералъ-маіоръ Фрейтагъ, а переднею линією командиръ № 52 полка, подполковникъ Сычовъ, служившій примѣромъ храбрости Уральскимъ и Донскимъ козакамъ, нисколько ни уступавшимъ въ этомъ дѣлѣ линейнымъ (*).

Вслѣдъ за кавалерією подавалась впередъ и пѣхота. Отрядъ приблизился къ Большимъ Казанищамъ въ четыре часа по полудни, и тотчасъ же былъ открытъ огонь изъ орудій по селенію. Лишь только непріятель началъ отступать, немедленно вся кавалерія была послана въ обходъ, а три баталіона пѣхоты двинулись въ боевомъ порядкѣ на приступъ, и заняли аулъ безъ боя.

Шамиль направилъ свое скопище частію въ селеніе Эрпели, а частію по дорогѣ къ Зырянамъ, исключая Акушинцевъ и Мехтулинцевъ, ушедшихъ въ Дженгутай. Отступленіе было имъ произведено весьма успѣшно, а наступившая ночь не дозволила кавалеріи съ успѣхомъ его преслѣдовать.

Нѣкоторые изъ мюридовъ имѣли намѣреніе удалиться въ Малые Казанищи, но жители не впустили ихъ, угрожая открыть по нимъ огонь, и этимъ поступкомъ выкупили нѣсколько свою измѣну.

Въ Большихъ Казанищахъ найдено достаточное количество фуража, а также 1,000 четвертей муки, перевезенной изъ Низоваго укрѣпленія.

Немногіе изъ Казанищинскихъ жителей тотчасъ же явились съ повинною головою, а прочіе, опасаясь мщенія, просили пощады только на другой день.

По причинѣ тѣснаго помѣщенія въ Темиръ-Ханъ-Шуръ, весь Кумыкскій отрядъ, по окончаніи дѣла, былъ расположенъ въ Большихъ и Малыхъ Казанищахъ.

Во время пораженія горцевъ подъ Муселимъ-ауломъ и Большими Казанищами, три баталіона, оставленные противъ Кафыръ-Кумыка, вполне достигли своей цѣли: командовавшій ими полковникъ Чекмаревъ, искусно занявъ сады и дорогу, ведущую изъ Кафыръ-Кумыка въ Муселимъ-аулъ, не дозволилъ Чеченцамъ присоединиться къ скопищу Шамиля. По окончаніи дѣла, онъ

(*) Лазутчики въ послѣдствіи доставили свѣдѣніе о страхѣ, наведенномъ на горцевъ второю атакою, которые будто бы рассказывали, что козакъ въ этотъ день были руководимы шайтаномъ (чортомъ).

былъ отозванъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а Чеченцы подъ предводительствомъ Шуаибъ и Уллубей-Муллы, удалились въ то же время въ Эрпели, не успѣвъ сжечь совершенно Халимъ-бекъ-аула и зажечь Кафыръ-Кумыка.

Хотя необходимо было бы вытѣснить первоначально Шамиля изъ Шамхальскихъ владѣній, но отчаянное положеніе Аварскаго отряда заставило ускорить его освобожденіе, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно было, какія непріятель противопоставитъ затрудненія въ Ирганайскомъ ущельѣ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, командующій войсками, 15-го же декабря, назначилъ слѣдующія части войскъ къ выступленію въ Зыряны:

1-й и 2-й сводные баталіоны Апшеронскаго, 2-й баталіонъ Тифлисскаго, 3-й Навагинскаго, 4-й Кабардинскаго, 1-й и 2-й баталіоны Куринскаго полковъ, одна сотня линейныхъ козакъ, 8 горныхъ орудій и 25 конгревовыхъ ракетъ. Кромѣ того, приказано было взять лошадей для поднятія большихъ и полевыхъ орудій, находившихся въ Зырянахъ, и транспортъ съ трехдневнымъ продовольствіемъ для всего Аварскаго отряда.

16-го декабря, съ разсвѣтомъ, назначенныя къ выступленію части войскъ, двинулись изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Большіе Казанищи. Для занятія этого селенія былъ оставленъ только одинъ сводный баталіонъ Кумыкскаго отряда, а всѣ остальные направилсь къ подножію Койсубулинскаго хребта. Непріятель не осмѣлился встрѣтить Русскихъ на первой половинѣ труднаго и лѣснаго подъема; а потому войска, назначенныя для освобожденія Аварскаго отряда, продолжали свое слѣдованіе въ Бурундукъ-кале. Три же баталіона, вся кавалерія, всѣ полевые и два горныхъ орудія были оставлены, подъ начальствомъ генерала Фрейтага, у подошвы хребта, для прикрытія сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурою.

При первомъ приближеніи нашихъ войскъ, Горцы оставили Бурундукъ-кале и обратились въ бѣгство. Авангардъ достигъ этого урочища въ одиннадцатомъ часу ночи, а аррьергардъ только къ четыремъ часа утра 17-го декабря. По прибытіи авангарда, подполковникъ Пассекъ былъ немедленно поставленъ въ извѣстность о приближеніи отряда.

Собственно утомленіе войскъ, перешедшихъ черезъ огромный, покрытый глубокимъ снѣгомъ хребетъ, темнота ночи и сильный морозъ—до 16-ти градусъ, не дозволили тотчасъ же по дости-

женіи Бурундукъ-кале приступить къ исправленію спуска въ Ирганайское ущелье.

Осмотръ урочища Бурундукъ-кале убѣдилъ командующаго войсками въ справедливости показаній лазутчиковъ: дѣйствительно, башню нашли разрушенною почти до основанія; спускъ въ Ирганайское ущелье былъ такъ испорченъ, что едва пѣшіе люди могли проходить; завалы были устроены по всему краю площадки, и наконецъ, у самой оконечности выхода изъ ущелья, была возвышена толстая стѣна, въ ростъ человѣка. Эти препятствія невозможно было преодолѣть 3,000 отряду, потому что артиллерія не могла принести существенной пользы, и подполковникъ Пассекъ, по мнѣнію командующаго войсками, весьма благоразумно поступилъ, что не рѣшился проложить себѣ путь въ Темиръ-Хагъ-Шуру силою оружія.

17-го декабря въ семь часовъ утра, было приступлено къ работѣ, и въ одиннадцать часовъ дорога была сдѣлана удобопроезжимой для орудій.

Въ двѣнадцатому часу весь отрядъ за исключеніемъ одного баталіона Куринскаго полка, оставленнаго для занятія Бурундукъ-кале, двинулся въ укрѣпленіе Зыряны и на половинѣ дороги къ селенію Ирганай неожиданно встрѣтился съ передовою частію Аварскаго отряда.

Подполковникъ Пассекъ, замѣтивъ, что въ продолженіе 16 декабря, огромныя партіи непріятеля проходили къ Араканамъ изъ Ирганая, и получивъ извѣстіе о прибытіи командующаго войсками въ Бурундукъ-кале, немедленно двинулся съ двумя баталіонами, при двухъ горныхъ единорогахъ, къ Ирганая, чтобы, овладѣвъ этимъ селеніемъ, войти въ связь съ Дагестанскимъ отрядомъ. Приблизившись къ Ирганая, онъ потребовалъ покорности отъ жителей, но они не хотѣли и слышать о покорности, и обѣщали сопротивляться, если Русскіе пойдутъ въ селеніе. Когда же былъ открытъ огонь изъ орудій и 2-й Куринскій баталіонъ обошелъ селеніе съ высотъ, тогда жители бѣжали.

Занявъ Ирганай однимъ баталіономъ и расположивъ 2 роты на высотахъ къ Ирганайскому ущелью, подполковникъ Пассекъ отправился съ остальными двумя ротами и конными Аварцами къ Бурундукъ-кале. Трудно описать встрѣчу, можно только сказать, что на лицахъ обоихъ отрядовъ выражалась непритворная радость и крики восторга долго оглашали Ирганайское ущелье.

Подполковникъ Пассекъ сообщилъ главнокомандующему войскамъ, что отправленный парочный изъ Бурундукъ-кале пришелъ въ Зыряны на разсвѣтъ 17-го декабря и собственно отъ него они узнали о происшествіяхъ на плоскости, а до того времени бдительность непріятеля была такъ велика, что имъ даже неизвѣстно было о прибытіи генераль-маіора Фрейтага.

По соединеніи отрядовъ, немедленно былъ отправленъ 3 баталіонъ Куринскаго полка въ Бурундукъ-кале, дабы болѣе обезпечить этотъ важный пунктъ, на который Шамиль могъ дѣйствовать съ двухъ сторонъ: отъ Гимръ и Гаркаса. Между тѣмъ слѣдованіе продолжалось и за часъ предъ сумерками войска вышли изъ Ирганайскаго ущелья. Аварскій отрядъ занялъ прежнюю свою позицію, а баталіоны, прибывшіе изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, были расположены въ Ирганаѣ. При приближеніи къ укрѣпленію, Хаджи-Муратъ встрѣтилъ авангардъ выстрѣлами изъ орудія, поставленнаго на вершинѣ хребта.

Въ Зырянахъ командующій войскамъ узналъ о двухъ обстоятельствахъ, о которыхъ подполковникъ Пассекъ не упоминалъ еще въ своихъ донесеніяхъ:

1) Причина малой потери Аварскаго отряда отъ дѣйствія непріятельскаго орудія заключалась въ слѣдующемъ: изъ полевого орудія, поставленнаго на вершинѣ хребта, стрѣлялъ по припужденію одинъ бомбардиръ резервной № 2-го батареи, взятый въ плѣнъ неизвѣстно въ какомъ укрѣпленіи. Оставшись по прежнему Русскимъ, онъ воспользовался однажды отсутствіемъ мюридовъ, понимавшихъ нашъ языкъ, и спустясь нѣсколько съ хребта, объявилъ ближайшей цѣпи, что служа непріятелю по неволѣ, не хочетъ наносить вреда своимъ, а потому предупреждаетъ, что каждый разъ, зарядивъ орудіе, онъ махнетъ прежде банникомъ и это послужитъ сигналомъ къ скорому выстрѣлу. Нижніе чины Аварскаго отряда обращали вниманіе на условный знакъ и тѣмъ много сохранилось людей, которые сдѣлались бы жертвами безъ предостереженія бомбардира,—и

2) Наступившіе сильные морозы произвели ропотъ между мюридами, которые нѣсколько разъ кричали нашимъ солдатамъ съ занимаемаго ими хребта: «уходите скорѣе въ Темиръ-Ханъ-Шуру, мы васъ не тронемъ; оставаясь же въ Зырянахъ вы и насъ заставляете страдать отъ холода». Желаніе мюридовъ выразилось наконецъ, какъ мы видѣли, и въ поступкѣ ихъ предводителя.

Командующій войсками, осмотрѣвъ лагерь и позицію Аварскаго отряда, отдалъ полную справедливость подполковнику Пассеку, умѣвшему занять съ особеннымъ искусствомъ всѣ важные пункты въ тактическомъ отношеніи, а осмотрѣвъ высоты, на которыхъ Хаджи-Муратъ потерпѣлъ поражение 19 ноября и въ послѣдующіе дни, призналъ, что Пассекъ, занятіемъ позицій и вообще дѣйствіями подъ Зырянами, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Осмотръ же Зырянскаго укрѣпленія еще болѣе убѣдилъ, что оно не можетъ быть предоставлено собственнымъ своимъ силамъ, не будучи въ состояніи сопротивляться дѣйствию орудій и находясь на картечный выстрѣлъ отъ окружающихъ его высотъ. По этимъ причинамъ и на основаніи предписанія корпуснаго командира, командующій войсками рѣшился очистить укрѣпленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія къ возвращенію въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Раненые, больные—всего 125 человекъ, четыре полевыхъ орудія и двѣ 10 фунтовыя мортирки, были отправлены въ Бурундукъ-кале, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ, въ двѣнадцать часовъ ночи; три чугунныхъ орудія и всѣ заряды брошены въ Аварское Койсу, а лафеты, зарядные ящики и вообще всѣ артиллерійскія принадлежности—сожжены. За первымъ эшелонъ слѣдовали остальные баталіоны и за два часа передъ разсвѣтомъ 18 декабря, уже ни одного Русскаго не оставалось въ укрѣпленіи.

Чтобы скрыть возвращеніе отряда отъ непріятеля, находившагося большею частію въ Араканѣхъ, командующій войсками поручилъ генераль-маіору Кюки-фонъ-Клугенау написать Араканцамъ, чтобы они покорились; въ противномъ же случаѣ будутъ наказаны силою оружія. Кромѣ того, приказано было развести сильные огни и усилить передовые посты. Принятые мѣры достигли своей цѣли: предводители мюридовъ были обмануты, ожидая съ нашей стороны наступательнаго дѣйствія, и ночное движеніе спасло отрядъ отъ многихъ жертвъ. Еслибы Хаджи-Муратъ зналъ объ удаленіи Русскихъ, то могъ бы нанести большой вредъ при слѣдованіи по Ирганайскому ущелью, гдѣ мѣстность представляла всѣ выгоды къ дѣйствию горцевъ, имѣвшихъ возможность во многихъ мѣстахъ охватывать наши фланги; но онъ ошибся въ предположеніяхъ и замѣтилъ отсутствіе отряда только съ разсвѣтомъ. Бросившись по прямой дорогѣ отъ Араканъ къ Бурундукъ-кале, Хаджи-Муратъ достигъ

одинъ арріергардъ въ десять часовъ утра и то въ 1¹/₂ верстѣ отъ выхода изъ Ирганайскаго ущелья. Атаки, имъ произведенныя, были весьма неудачны и горцы дорого заплатили за попытку: они потеряли до 100 человекъ убитыми и ранеными, оставили 9 тѣлъ на мѣстѣ и наконецъ отступленіе ихъ, отъ быстрого съ нашей стороны преслѣдованія, обратилось въ бѣгство. Въ арріергардномъ дѣлѣ участвовали: 2 сводный баталіонъ Апшеронскаго, 2 Тифлисскаго и 4 Кабардинскаго полковъ.

Въ двѣнадцатомъ часу кончилось арріергардное дѣло, а въ двѣнадцать часовъ соединенные отряды, подъ начальствомъ генераль-маіора Клюки-фонъ-Клаугенау, продолжали слѣдованіе въ Темиръ-Ханъ-Шуру и къ вечеру 18 декабря едва только достигли вершины Койсубулинскаго хребта. Движеніе ихъ замедлялось полевыми орудіями, которыя чрезвычайно трудно было везти по покрытой льдомъ дорогѣ. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что изъ Зырянъ до Бурундукъ-кале полевые орудія шли восемь часовъ, а отъ Бурундукъ-кале до Темиръ-Ханъ-Шуры двадцать-восемь часовъ, тогда, какъ оба перехода составляютъ не болѣе 45 верстѣ.

Уронъ съ нашей стороны въ дѣлахъ подъ Кафыръ-Кумыкомъ, Муселимъ-ауломъ, Большими Казанищами и у Бурундукъ-кале, вообще не великъ: убито 11 нижнихъ чиновъ; ранено: штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 5 и 55 рядовыхъ; контужено 4 человекъ. Потеря непріятеля въ тѣхъ же дѣлахъ простирается, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ лазутчиками, до 200 человекъ.

18 декабря, во время слѣдованія изъ Бурундукъ-кале въ Темиръ-Ханъ-Шуру, командующій войсками получилъ слѣдующія свѣдѣнія: 1) о переходѣ 17 декабря 3,000 горцевъ на лѣвый берегъ Сулака, близъ урочища Гурка, откуда они потянулись къ Чиркею, и 2) о намѣреніи Шамиля переселить жителей Эрпелей и Караная, а жилища ихъ сжечь.

Такъ какъ непріятель не могъ долго оставаться въ Чиркеѣ, ибо это селеніе сильно обстрѣливалось изъ Евгеніевскаго укрѣпленія, то главное вниманіе было обращено на Каранай и Эрпели, гдѣ находился самъ Шамиль. Ожидалось только прибытіе отряда и подтвержденіе полученнаго свѣдѣнія, чтобы совершенно вытѣснить Шамиля изъ шамхальскихъ владѣній.

19-го декабря, въ три часа пополудни, соединенные Дагестанскій и Аварскій отряды вступили въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Кумыкскій же отрядъ попрежнему занималъ Большіе и Малыя Казанищи.

13-го же декабря получено свѣдѣніе, что Шамиль оставилъ Эрпели и отступилъ въ Гимры.

Того же числа командующій войсками предполагалъ отправить большую часть кавалеріи для отбитія у Акушинцевъ барановъ; но лазутчики дали знать, что акушинскія стада не находятся болѣе на плоскости. Причина угона ихъ въ горы заключалась въ набѣгъ, произведенномъ шамхаломъ Тарковскимъ съ приближенными ему нукерами. Набѣгъ этотъ былъ весьма удаченъ: у Акушинцевъ отбито 15,000 барановъ, изъ которыхъ 5,000 Абу-Муселимъ-ханъ пожертвовалъ на войска, сосредоточенныя въ Дагестанѣ.

Съ прибытіемъ соединенныхъ отрядовъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру и съ удаленіемъ скопищъ Шамиля оканчивается походъ 1843 года.

Бросимъ бѣглый взглядъ на характеръ дѣйствій въ теченіе втораго періода кампаніи:

И здѣсь Шамиль является столь же искуснымъ предводителемъ; соображенія его смѣлы, дальновидны и вполнѣ основаны на тогдашнихъ обстоятельствахъ края и положеніи противника. Оттянувъ, посредствомъ ловкой демонстраціи на Андрееву деревню, генерала Гурко за Сулакъ, заставивъ его дѣлать движенія по Кумыкской плоскости и раздроблять войска, онъ бросается со всѣми силами къ Гергебилю. Пунктъ этотъ, какъ мы ниѣли случай замѣтить, былъ выбранъ какъ нельзя болѣе удачно: овладѣніе имъ раздѣляло Шуринскій, Казикумухскій и Аварскій отряды и отдавало во власть Шамиля Даргинскій округъ, Мехтулу и все пространство до Дербента, которое, съ измѣною Даргинскаго округа, уже, конечно, не могло оставаться за нами.

По паденіи Гергебиля, Шамиль идетъ по слѣдамъ отступавшаго отряда генерала Гурко и вступивъ побѣдоносно въ шамхальство, немедленно дѣлаетъ распоряженіе къ осадѣ Низоваго, какъ главнаго складочнаго пункта и съ потерю котораго наше существованіе въ Сѣверномъ Дагестанѣ дѣлалось невозможнымъ. Всѣ эти распоряженія можно назвать образцовыми и какъ нельзя болѣе соотвѣтствующими тогдашнимъ обстоятельствамъ.

Но надѣясь взять Низовое въ одинъ или два дня, какъ это ему было обѣщано Акушинскимъ кадіемъ и какъ это было похоже въ дѣйствительности (стоитъ вспомнить *оборонительныя сооруженія* этого укрѣпленія), Шамиль притягиваетъ къ себѣ Шуанбъ-муллу съ Чеченцами и тѣмъ дѣлаетъ капитальную ошибку. Цѣль этого распоряженія была чисто политическая: Шамиль опасался, и весьма справедливо, что въ Чечнѣ не будутъ вѣрить его успѣхамъ въ Дагестанѣ, такъ онѣ были громадны и неожиданны для него самаго, и вотъ онъ призываетъ къ себѣ 500 Чеченцевъ, чтобы они могли лично убѣдиться въ его могуществѣ (*).

Но увы! вопреки его расчетамъ, Низовое держится какимъ-то чудомъ, а смѣлое движеніе Фрейтага спасаетъ укрѣпленіе и даетъ другой оборотъ дѣлу.

Испытавъ эту неудачу, Шамиль какъ будто перестаетъ дѣйствовать и вопреки многимъ совѣтамъ и настояніямъ, не предпринимаетъ ничего рѣшительнаго противъ Темиръ-Ханъ-Шуры, въ которой онъ рискуетъ встрѣтить энергическій, отчаянный отпоръ. Будемъ ли мы его за это обвинять? и не рождается ли здѣсь вопросъ, что *если бы онъ былъ отраженъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры и при этомъ понесъ значительную потерю?* Лезгины крайне впечатлительны; имъ достаточно испытать одну хорошую неудачу, чтобы отказаться и забыть многія прежнія побѣды, и не видимъ ли мы подобныхъ примѣровъ въ жизни Кази-муллы и Гамзата? Шамиля нельзя упрекнуть въ нерѣшительности и если дѣйствія его, по видимому, и были проникнуты ею, онъ имѣлъ на то полное основаніе, совершенно оправдываемое характеромъ и свойствами своихъ соотечественниковъ.

Такимъ то образомъ была нетронута Темиръ-Ханъ-Шура—нашъ послѣдній оплотъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ.

Что же касается нашихъ дѣйствій въ этотъ періодъ кампаніи, то излагая ихъ съ возможною подробностію, тѣмъ самымъ мы снимаемъ съ себя обязанность подвергать ихъ какому либо сужденію.

За симъ остается намъ упомянуть о мѣрахъ, принятыхъ командующимъ войсками для обезпеченія Дагестана на зиму 1844 года.

(*) Такимъ образомъ объясняютъ это распоряженіе Шамиля люди, бывшіе въ то время близкими къ нему и сужденія которыхъ намъ удавалось не разъ слышать.

Шамхальцы, и частію Мехтулинцы, намъ покорились, но Акуша, по самой сущности вещи, оставалась полунейтральною. Въ будущемъ году предстояло намъ многое совершить, чтобы отмстить непріятелю за претерпѣнные пораженія и привести дѣла въ тотъ порядокъ, въ которомъ ихъ засталъ 1843 годъ.

По удаленіи Шамиля изъ шамхальства, генераль Гурко, на основаніи предписанія корпуснаго командира, распредѣлил войска, находившіяся въ Дагестанѣ, слѣдующимъ образомъ.

Въ распоряженіи командующаго войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ оставлено: 11 дѣйствующихъ, 3 линейныхъ баталіона, 6 сотенъ козаковъ и 19 орудій:

Пѣхота: весь Апшеронскій полкъ, 2 баталіонъ Тифлискаго, 1-й и 3 баталіоны Навагинскаго, 1-й и 4-й баталіоны Кабардинскаго, 1-й баталіонъ Куринскаго полковъ и 12-й, 13-й и 14-й Грузинскіе линейные баталіоны.

Кавалерія: 1-я и 6 сотни Уральскаго № 7 полка, 3-я и 5 сотни № 8 и 6-ая сборная сотня № 49 Донскихъ козацкихъ полковъ.

Артиллерія: 19 артиллерійской бригады, батарейной № 2 батареи: 4 полевыхъ и 2 горныхъ орудій; той же бригады резервной № 2 батареи: 4 полевыхъ и 6 горныхъ; Артиллерійскаго гарнизона, доставленные изъ Зырянскаго укрѣпленія два полевыхъ и отбитый у непріятеля 3 фунтовый горный единорогъ.

1-й 2 и 3 баталіоны Его Свѣтлости князя Варшавскаго полка, съ 4 горными орудіями кавказской гренадерской бригады резервной № 1 батареи, должны были отправиться, послѣ кратковременнаго отдыха, въ городъ Дербентъ въ распоряженіе начальника 19 пѣхотной дивизіи.

Остальныя затѣмъ войска 20 пѣхотной дивизіи, находившіяся въ Дагестанѣ, получили назначеніе возвратиться, подъ начальствомъ генераль-маіора Фрейтага, на лѣвый флангъ кавказской линіи.

20-го декабря были сдѣланы распоряженія относительно распредѣленія войскъ, а 21 доставлено свѣдѣніе, что Шамиль изъ Гимръ перешелъ въ Оглы. Причина прибытія его въ это селеніе, какъ должно полагать, заключалась въ принесенной покорности Мехтулинцами, имѣвшей кажется первое время вліяніе на Акушвицевъ.

Хотя Шамиль, занимая селеніе Оглы, могъ угрожать обомъ обществамъ, но командующій войсками не счелъ нужнымъ предпринимать противъ него наступательное движеніе, во-первыхъ

потому, что войскамъ, изнуреннымъ четырехъ мѣсячными дѣйствіями, необходимо было дать отдыхъ, а главное потому, что непріятель не вступилъ бы въ открытый бой, а ушелъ въ горы, куда намъ углубляться чрезвычайно было затруднительно въ зимнее время. Достигнувъ горъ, отрядъ нашелся бы въ необходимости предпринять обратное движеніе и отступленіе было бы сопряжено съ значительною потерей, между тѣмъ какъ Шамилю вновь была бы открыта дорога въ Мехтулинскія владѣнія и даже въ Дербенту. Кромѣ этого, произведенные на основаніи предписаній корпуснаго командира набѣги, почти одновременно изъ Владикавказскаго округа, крѣпости Грозной и Кумыкскихъ владѣній, заставили Чеченцевъ возвратиться въ свои селенія, а потому необходимо было усилить средства всего лѣваго фланга Кавказской линіи, а въ особенности Кумыкскихъ владѣній, защита которыхъ возложена была, можно сказать, на рекрутъ.

По исчисленнымъ причинамъ, командующій войсками оставилъ безъ всякаго измѣненія распредѣленіе пѣхоты и артиллеріи; но для усиленія кавалеріи Дагестанскаго отряда, могущей принести большую пользу на плоскости, назначено было еще 6 сотенъ линейныхъ козаковъ: 2 Кубанскаго, 2 Волгскаго и 2 Ставропольскаго полковъ, при 2 конныхъ орудіяхъ. По удаленіи Шамиля, предписано этихъ козаковъ немедленно возвратитъ на линію.

22-го декабря командующій войсками Кавказской линіи и Черноморіи оставилъ Дагестанъ, снабдивъ инструкціею генерала Клюки-фонъ-Клугенау, относительно удержанія въ нашей власти шамхальскихъ и мехтулинскихъ владѣній.

22-же декабря, войска 20 пѣхотной дивизіи, назначенныя къ отправленію на линію, выступили изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, подъ начальствомъ генерала Фрейтага, и слѣдовали на Казіюртъ.

28-го декабря князь Аргутинскій-Долгоруковъ донесъ, что получивъ извѣстіе чрезъ лазутчиковъ, а вслѣдъ за тѣмъ и отъ правителя Казикумухскаго ханства, объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ соединенныхъ Дагестанскаго и Кумыкскаго отрядовъ, онъ приостановилъ предположенное имъ движеніе къ Дербенту, впредь до полученія предписанія о необходимости содѣйствія Самурскаго отряда.

Общая потеря наша съ 27-го августа по 22-го декабря, состоитъ: убито и ранено штабъ и оберъ-офицеровъ 76 (въ томъ

числѣ въ плѣнъ взято оберъ-офицеровъ 10) и 2,308 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ взято въ плѣнъ 312 человекъ). Потеря же матеріальными средствами состоитъ: изъ 27 орудій, 8 крѣпостныхъ и 2,152 простыхъ ружей, 13,816 зарядовъ, изъ коихъ досталось въ руки непріятеля до 6,000; 350,000 патроновъ, 50 пудовъ пороху, 180 палатокъ, 368 казенныхъ лошадей, не считая лошадей конно-вьючнаго транспорта и черводарскихъ, взятыхъ Акушинцами въ Низовомъ укрѣпленіи, и различныхъ вещей, комисариатскаго, инженернаго и артиллерійскаго вѣдомствъ. Разрушено Шамилемъ до основанія 12 укрѣпленныхъ пунктовъ, изъ которыхъ 4 оставлены нами.

Потеря со стороны непріятеля простирается свыше 3,000 человекъ.

Нашъ первый трудъ оконченъ. Въ немъ мы старались изложить событія во всей ихъ полнотѣ и послѣдовательности. Сознаемся, что мы сдѣлали много ошибокъ, что сужденія наши не всегда были ясны, вѣрны, отчетливы, какъ того требуетъ строгость историческаго разсказа. При всемъ томъ смѣемъ надѣяться, что намъ извинятся эти невольные и, можно сказать, неизбежные промахи, происшедшіе не отъ небрежности, отъ которой мы всячески старались остерегаться, но отъ обширности и полноты предпринятаго разсказа и, главное, отъ недостаточности матеріаловъ, изъ коихъ многіе погибли, многіе разсѣяны по всему Кавказскому краю. Мы убѣждены, что подобный трудъ единственно возможенъ при содѣйствіи многихъ лицъ, специально посвятившихъ себя ему, и нынѣ представляя перечень послѣднихъ военныхъ событій въ Дагестанѣ, мы имѣли въ виду только положить начало къ будущему изслѣдованію военной исторіи Кавказа.

И. ОКОЛЬНИЧІЙ.